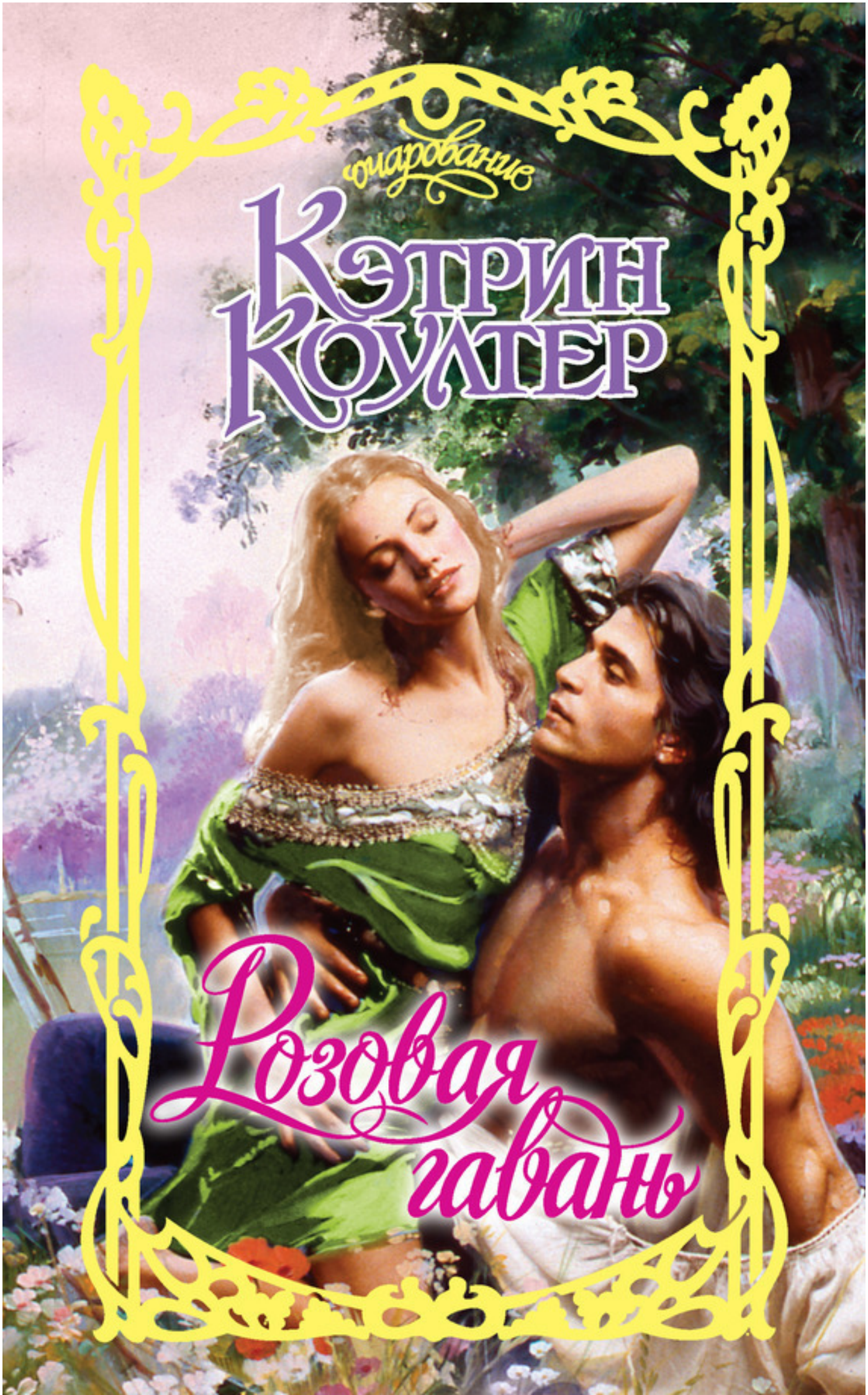
очарование
Кэтрин Коултер
Розовая гавань

Песня

Кэтрин Коултер

Розовая гавань

«АСТ»

1996

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Коултер К.

Розовая гавань / К. Коултер — «АСТ», 1996 — (Песня)

ISBN 978-5-17-103299-9

Закаленный в сражениях воин и юная наследница огромного состояния. Он – суровый и хладнокровный, она – вся как неукротимый порыв чувств. Но истинная любовь, не замечая разницы в характерах, творит чудеса. Нерасторжимыми узами связала она влюбленных, но удастся ли им обрести свой островок счастья в сердце опасной и бесконечно суровой средневековой Англии?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-103299-9

© Коултер К., 1996
© АСТ, 1996

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 21
Глава 5 27
Глава 6 33
Глава 7 38
Глава 8 44
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Кэтрин Коултер
Розовая гавань

Catherine Coulter
ROSENHAVEN
Печатается с разрешения литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.
Серия «Очарование» основана в 1996 году
© Catherine Coulter, 1996
© Перевод. Е. В. Погосян, 1996
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017
Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

***

Кэтрин Коултэр – знаменитый автор многочисленных исторических любовных романов, ставших бестселлерами во многих странах мира.

***

Моему мужу – лучшему в мире парню.

Глава 1

Начало лета 1277 года. Восточная Англия.
Замок Оксборо.
Дом Фоука Трента, эрла Оксборо

Отец ее не любит, но он никогда бы так не поступил с ней, никогда.

«Этого не может быть», – убеждала она себя, не в силах отвести глаз от незнакомца. Казалось, даже воздух незримыми крыльями взметнулся над ним, хотя человек стоял молча и неподвижно. Он еще не стал вершителем судеб многочисленных обитателей замка Оксборо, но уже выглядел здесь хозяином.

Лицо – темное, суровое и невозмутимое. Яркий солнечный свет, врывавшийся в распахнутые двери главного зала, обрисовывал мощную фигуру. Укрывшись в тени на верхних ступенях каменной лестницы, она внимательно разглядывала незнакомца. Она бы предпочла не видеть его вообще и уж тем более здесь, в Оксборо. Однако теперь он в замке и, судя по виду, не собирается отсюда уезжать.

Глаза незнакомца поражали яркой синевой, напоминающей морскую гладь под ясным небом, и в то же время казались глазами старика, умудренного тяжким опытом. Даже издалека она чувствовала его физическую мощь, целеустремленность, самообладание и надменность. По ее мнению, такой вид и должен иметь приспешник дьявола.

Его превосходный серый плащ колыхался и морщился, хотя ветра не было и в помине. Ей почудился даже свист, с которым рассекает напряженную атмосферу зала черный кнут, обвитый вокруг его талии, хотя незнакомец продолжал стоять неподвижно, выжидая и осматриваясь.

Кроме этого кнута и огромного меча на широком кожаном поясе, другого оружия у него нет. Одет во все серое, даже обувь сшита из мягкой серой кожи. Тонкая шерстяная туника по цвету напоминала тусклое олово, из-под нее виднелась светло-серая рубаха, серые кожаные подвязки крест-накрест охватывали ноги.

Нет, отец не мог до такого додуматься. Незнакомец не мог быть тем, кого отец выбрал ей в мужья. Гастингс не испугалась, только встревожилась. Неужели она станет его женой, а он – ее супругом, ее повелителем? Нет, это смешно, ему больше подходит роль посланца дьявола или одного из загадочных призраков, обитавших на Авалоне[1].

Неужели отец хочет сделать его продолжателем рода? Оставить ему свои богатства, земли и титулы, раз сам произвел на свет лишь ее, ничтожную женщину, ничего не значившую в мире, управляемом мужчинами? Какой с нее прок, кроме возможности устроить эту свадьбу, отдав ее мужчине, от одного вида которого душа уходит в пятки.

Значит, именно за него собирается выдать ее давний отцовский приятель Грилэм де Мортон? Лорд Грилэм и ее друг с тех времен, когда он подбрасывал в воздух семилетнюю малышку Гастингс, визжавшую от восторга. Неужели и Грилэм, верный друг семьи, тоже хочет отдать ее в лапы этого страшилища? Да, именно Грилэм, вошедший сейчас в зал, уверял, что его избранник – несгибаемый воин, заслуживающий почета и уважения, для которого незапятнанная честь важнее спасения души. Конечно, слова предназначались не для нее, однако Гастингс все слышала, укрывшись за высокой спинкой отцовского кресла. Это было два месяца назад. Увы, отец больше не восседает в своем кресле и давно не обедает в главном зале, слуги и

[1] Авалон – по кельтским мифам, остров вечной жизни на Западе, куда переправили смертельно раненного короля Артура. – *Здесь и далее примеч. пер.*

рыцари не предлагают ему лучшие куски мяса. Теперь он даже не встает с постели и молится о том, чтобы его желудок удержал хотя бы те крохи, которые он смог проглотить.

Складки одежды на незнакомце опять шевельнулись, и Гастингс показалось, что она расслышала какой-то писк. Обитатели замка бестолково топтались в главном зале, гадая, что произойдет, если он станет их хозяином. Будет ли он беспощадным и жестоким? Начнет ли бить людей ради собственного удовольствия? Пустит ли в ход свой ужасный кнут, как сделал когда-то отец, заставший жену в постели сокольничего? Гастингс ненавидела все кнуты на свете.

Она вдруг снова услышала писк и, зажав рот, отодвинулась подальше в тень.

Незнакомец сунул под плащ руку и извлек зверька с пышным хвостом. Толпа собравшихся в зале испуганно зашепталась. Уж не дьявольское ли отродье? Нет, слава богу, не кот.

Это оказалась куница. Гибкая, темно-коричневая, с белоснежным пятном на подбородке и животе. У Гастингс есть отличная шуба из куньего меха. О, она готова спорить, что этому зверьку не нужно бояться стать чьей-нибудь шубой. По крайней мере до тех пор, пока о нем заботится его хозяин. Интересно, зачем прославленному воину живая куница?

А тот поднес зверька к лицу, внимательно посмотрел на него, серьезно кивнул и осторожно спрятал обратно.

Гастингс улыбнулась. Человек не может быть таким ужасным, если носит у сердца милое пушистое создание.

Подошедший Грилэм де Мортон хлопнул незнакомца по спине, как будто это самый обыкновенный человек и ничего более. Мужчина обернулся, и улыбка неожиданно преобразила его лицо. На какой-то миг он вдруг стал очень человечным, но улыбка тут же угасла, и Гастингс опять видела лишь мрачного незнакомца.

Эти двое были примерно одного роста, казались большими, просто огромными, занимали слишком много места, так что всем становилось тесно в их присутствии. Впрочем, девушка никогда не боялась Грилэма, хотя из рассказов отца знала, что он могучий воин и никакой враг не способен устоять перед ним. Отец сам видел, как Грилэм одним ударом рассек человека, а потом с тем же изяществом и силой зарубил еще троих. Правда, Гастингс сомневалась, что можно казаться изящным, рубя на куски другого человека.

– Грилэм, – раздался грубый и сильный голос незнакомца, – я уже забыл, когда в последний раз видел твою мерзкую рожу, которая так и напрашивается на оплеуху. У тебя все в порядке?

– Да, хотя вряд ли я заслужил то счастье, что ниспослано мне Господней милостью. А тебя предупреждаю. Не вздумай называть эту рожу мерзкой в присутствии моей жены. Она питает к ней слабость. Хотя жена моя невелика ростом, но может стать опасной, если ринется меня защищать.

– Да, эта леди не похожа на других, – ответил незнакомец. – Тебе известно, зачем я здесь.

– Конечно, – подтвердил Грилэм де Мортон. – Жаль, что Фоук Трент болен и не может приветствовать тебя должным образом. Гастингс тоже не мешало бы выйти поздороваться, но я ее что-то не вижу. Ладно, давай поужинаем, а потом я отведу тебя к нему.

– Я хочу увидеть его сейчас же и как можно скорее с этим покончить.

– Хорошо. – Грилэм кивнул слуге Торрику, настолько тощему, что Гастингс однажды в шутку испугалась, как бы его не унесло ветром, и велел проводить их наверх. – Наверное, ты хотел бы познакомиться и с его дочерью.

– Полагаю, это неизбежно.

Когда они скрылись из виду, Гастингс перевела дух. Сейчас у постели больного отца решится будущее. Ее и Оксборо. Может, незнакомец откажется. Она спустилась в зал и обратилась к трем десяткам толпившихся слуг:

– Этот господин приехал к лорду Фоуку. Нужно позаботиться об обеде.

Слуги шептались, прикрывая рот ладонями, будто опасаясь, что незнакомец может их услышать и наказать. Судя по всему, этот человек из той породы воинов, которые врываются в побежденный город, не испытывая к врагам ни малейшей жалости. Гастингс сказала, чтобы все слышали:

– Его зовут Северн Лэнгторн, барон Лугез. Он, лорд Грилэм и их люди останутся на обед. Макдир, вернись, пожалуйста, на кухню и как следует приправь свинину мятным соусом. Алиса, проследи, чтобы хлеб подали теплым, с хрустящей корочкой. Аллен, принеси то сладкое вино, которое нравится лорду Грилэму. – Замолчав, она сжала руки на груди и потом выпалила: – По-моему, лорд Северн приехал, чтобы взять меня в жены.

Она не стала вслушиваться в поднявшийся гомон, удивленная тем, что никто из челяди – от управляющего до кухонной девчонки – ничего не знал о госте и цели его появления. Превосходно сохраненная тайна. Гастингс и самой известно лишь то, что он недавно вернулся из Франции, что его старший брат убит, поместье разорено, крестьяне мрут от голода и все уничтожено безжалостными мародерами.

Да, он явился, чтобы жениться на ней, единственной наследнице Оксборо. Она слышала это, когда отец расспрашивал Грилэма, насколько Северн честен и силен. Тот превозносил его до небес, расписал, как сам король Эдуард повелел Северну ехать у его правого стремени на последнюю битву с сарацинами в Святой Земле, как он бился с Эдуардом на укреплениях Акры. Тогда Грилэм и сказал, что его зовут Северн.

– Да, Северн, – повторял он, потирая загрубевшие от меча ладони, – Северн, Серый Воин.

– Северн здесь, Фоук.

Фоук Трент, эрл Оксборо, хотел бы как следует разглядеть молодого человека, однако туман все плотнее застилал ему глаза, утром он даже не смог узнать лицо собственной дочери. Впрочем, это и к лучшему, слишком уж она походила на свою мать, а от этого воспоминания у эрла всякий раз начинались спазмы в животе. Боль стала невыносимой, теперь и смерть недалеко. Фоук примирился со смертью, хотя ненавидел ее. В такие моменты, как этот, он бы принял ее с радостью, но сначала необходимо покончить с земными обязанностями.

– Северн, – произнес он, сознавая, как беспомощно звучит его голос, и проклиная свое бессилие.

Молодой человек сжал его руку, однако это не причинило Фоуку боли. Он почувствовал, как горяча и сильна ладонь воина, который станет отныне связующим звеном между его прошлым и будущим, в жилах многих поколений новых воинов будет течь его кровь.

– Ты берешь в жены мою дочь?

– Да, я беру ее, – ответил Северн, – и благодарю за то, что твой выбор пал на меня.

– Она хорошенькая, Северн, – вмешался Грилэм, – и придется тебе по вкусу. Так же, как и ты ей.

– Но ты должен взять мое имя, – продолжал Фоук Трент, чувствуя, как вдруг закаменела рука молодого человека. – У меня нет сыновей, а я не желаю, чтобы мой род угас. Ты будешь владеть моими землями, поместьями, собирать подати, властвовать над моими вассалами. Ты будешь охранять три города, где тебе принадлежит большая часть земли, включая три укрепленных замка. Я богат почти так же, как сам король Эдуард, хотя предпочитал не болтать о своем богатстве, дабы не вызывать у него желание отобрать у меня часть владений. Итак, ты женишься на моей дочери.

– Но я не могу принять твое имя, Фоук Трент.

– Северн, – перебил его Грилэм, – тебе не нужно отказываться от своего родового имени. Оно весьма древнее, и ты можешь с гордостью его носить. Ты лишь присоединишь родовое имя Трентов к своему собственному. То есть тебя станут называть Северн Лэнгторн-Трент, барон Лугез, эрл Оксборо. Король Эдуард дал на то свое согласие и благословил ваш союз.

«Это должно сработать», – напряженно размышлял Фоук, в который раз досадуя на слепоту. Голос молодого человека казался глубоким и сильным, и Грилэм клялся, что Северн происходит от здоровых предков.

– Моя дочь произведет хорошее потомство, – сказал эрл. – Она прекрасно сложена, как и ее мать. Она молода, ей восемнадцать лет. Ты должен родить сыновей, Северн, много сыновей. Они станут продолжателями обоих наших родов, сохранив их для будущего.

Как ни странно, в этот момент Северн вспомнил про Марджори и словно наяву увидел волшебный блеск ее серебристых локонов, живой огонь синих глаз, сверкавших, когда она смеялась, и темневших в минуты страсти. За многие месяцы он впервые подумал о ней. А ведь еще больше времени прошло с тех пор, как ее выдали замуж за другого. Марджори осталась в далеком прошлом, и не следует позволять ей смущать его покой. Северн обратился к Фоуку:

– Грилэм сказал, что ее зовут Гастингс. Довольно странное имя и для мужчины, и для женщины.

Фоук хотел улыбнуться, но бессильные мускулы не сумели приподнять даже углы рта. Он чувствовал, как погружается в пучину вечного забвения, но пересилил себя.

– По традиции это имя носят все старшие дочери нашего рода. В честь победы норманнов[2] и нашего славного предка Даммона Трента, которому Вильгельм даровал эти земли в награду за верность и отвагу и, конечно, за сотню вассалов, сражавшихся на стороне Вильгельма. – Глаза эрла закрылись, казалось, он уже мертв, но прерывающимся от боли и слабости голосом он добавил: – Ступай и вернись сюда, когда будешь готов. Постарайся не терять времени.

– Дай мне пару часов.

Знаком приказав вошедшей женщине остаться с эрлом, Грилэм увлек Северна за собой.

– Если мы быстро разыщем Гастингс, то сможем управиться за пару часов, – на ходу заметил Грилэм. – Обычно она копается у себя в цветнике. Надо закончить все сегодня же. Боюсь, Фоук не доживет до рассвета.

– Как тебе угодно. Трист голоден. И прежде чем дать свое имя девице Гастингс, я должен его накормить. – Северн извлек куницу и прижал зверька к щеке. – Нет, не пытайся сожрать мою перчатку, Трист. Я дам тебе свинины. Никто из его сородичей не ест ничего, кроме крыс, мышей или цыплят. Но когда я сидел в темнице Луи Меллифона под Руаном, у Триста на обед было столько крыс, что их хватило бы на целый полк куниц. Ему даже не требовалось охотиться, он дожидался, пока какая-нибудь крыса подберется слишком близко, и хватал ее. Когда я сбежал из тюрьмы, Трист наотрез отказался от крыс. Я даже испугался, что он умрет от голода, но он начал есть свинину и яйца. Как ни странно, эта пища пошла ему впрок.

– Он только сейчас высунул мордочку, – заметил Грилэм. – Кажется, ему не очень понравилось в спальне Фоука.

– Он не забыл, как пахнет болезнь и смерть. Немногим из нас удалось выйти из темницы живыми.

– Зато теперь он может вдоволь есть свинину, – пробормотал Грилэм, задержавшись на винтовой лестнице. – Северн, я знаю Фоука и Гастингс десять лет. Гастингс была смышленой девчушкой и оправдала мои надежды. Отлично разбирается в травах, освоила искусство врачевания, образованна, воспитанна. И совершенно не похожа характером на мать. Лучшей наследницы Оксборо вряд ли можно желать: она прекрасно знает, как управлять таким владением. Дай мне слово, что станешь хорошо с ней обращаться.

---

[2] Под Гастингсом 14 октября 1066 произошло сражение между войсками Вильгельма Завоевателя и английского короля Гарольда. Англичане были разбиты, и с этого времени в Англии началось правление норманнов.

– С тебя довольно и того, что я согласен взять ее в жены, – отчеканил Северн, – защитить от стервятников, которые уже наверняка летят сюда, прослышав о близкой смерти эрла. И содержать ее сыновей.

– Если бы не этот брак, тебе пришлось бы стать вассалом другого человека. И хотя ты остался бы по-прежнему бароном Лугезом, твои земли некому было бы возделывать.

– У меня ничего не осталось.

– Теперь у тебя будет достаточно денег, чтобы привести все в порядок. Ты получишь в жены Гастингс. Она присмотрит за Оксборо, когда тебе придется уехать в другие имения.

– А вот моя мать не смогла ни за чем присмотреть. Когда я вернулся в Лэнгторн, то обнаружил ее в помойной яме. От страха она не смела высунуться наружу. По-моему, она даже не узнала меня. Да и что взять с женщины с ее женским рассудком, который оказался во власти демонов. Она совершенно помешалась, Грилэм, и не в состоянии управлять Лэнгторном. С какой стати мне ожидать чего-то иного от твоей Гастингс? Или от любой другой женщины? Кстати, что ты имел в виду, когда уверял, что она не похожа на мать?

– Ее мать изменяла мужу. Фоук застал ее в постели сокольничего и забил кнутом до смерти. Гастингс совершенно не похожа на мать.

Тут Грилэм вспомнил про девицу, которую Северн некогда хотел взять в жены, про какую-то Марджори. Рассказал он об этом давно и, кажется, тогда еще на что-то надеялся. Вспоминает ли он о ней?

– Это мы увидим, – ответил Северн.

Он был суровым человеком, но справедливым, по крайней мере по отношению к другим мужчинам. Большего Грилэм все равно сделать не может. Кроме того, он скучал по жене и сыновьям и хотел поскорее вернуться к ним. Он надеялся, что Гастингс смирится с выбором отца. Хотя это и не имело особого значения.

Глава 2

Замок Седжвик

Ричард де Лючи гневно смотрел на испачканную кровавой рвотой ночную рубашку жены. Как бы он хотел, чтобы это был погребальный саван! Почему она никак не подохнет, черт бы ее побрал?! Она застонала и выгнулась от боли. Гладкое лицо покрылось страдальческими морщинами, открытый рот искривился.

С какой легкостью он мог бы придушить ее, если бы не священник, четверо женщин, суетившихся у кровати, да его собственный слуга, уже более трех часов не покидавший пропахшую смертью комнату.

Ричард знал, что Северн Лэнгторн уже рыщет вокруг Оксборо, знал обо всех переговорах и о том, что король Эдуард дал свое согласие. Но если бы у него в руках оказалась Гастингс Трент, то плевать он хотел даже на согласие римского папы. Победителем станет тот, кто первым овладеет ею и сделает своей женой.

Он с хрустом заломил пальцы. Нужно было подсыпать весь белый порошок. Тогда она наверняка тут же бы отдала Богу душу, а не уползла в эту спальню, где уже второй день валяется в собственных нечистотах.

А если бы она только пискнула, что ей не нравится вино, он попросту велел бы его выпить или силой влил ей в глотку. Она бубнила одну из своих невыносимых молитв, когда пила вино, в которое он всыпал чудесный порошок, добытый у цыганки. Взамен он отдал красную шаль, семь лет назад подаренную им невесте на свадьбу.

Вдруг она не умрет? Ричард так сжал кулаки, что побелели костяшки пальцев. Тогда он обязательно изловит цыганку и вздернет на первом же суку.

Она снова застонала и попыталась встать.

– Лежите тихо, дитя мое. Леди Джоан, лежите тихо.

Грудь умирающей заходила ходуном в поисках глотка воздуха. Ричард с ненавистью уставился на жену. Черт бы тебя побрал, сдохни же скорее!

И тут леди Джоан без нового приступа скончалась. Последний глоток воздуха покинул открытый рот, глаза широко распахнулись, невидящий взгляд остановился на лице мужа.

– Все кончено, милорд, – произнес священник и добавил: – Вот и все. Бедная леди ужасно страдала от заворота кишок, но зато теперь она вернулась к нашему Создателю, и ее бессмертная душа свободна от земных тягот. Мне очень жаль, милорд.

До Ричарда де Лючи вдруг дошло, что малый явно чего-то ждет. Чего? Что муж с рыданиями бросится на бездыханное тело?

– Готовьтесь к похоронам да уберите комнату, – приказал Ричард служанкам и, пересилив себя, на миг склонил голову у смертного одра жены.

Но через минуту он уже торопливо выскочил из спальни, едва не растоптав маленькую дочь Элизу, которая пряталась за креслом у двери. Она упала, придавленная креслом, однако Ричард этого даже не заметил.

Наконец-то сука умерла. Джоан Ротэм подохла. Ричард бежал по главному залу, зовя слуг. Ах, как мало рыцарей у него в замке. Ничего, очень скоро он наймет столько людей, что не сможет их счесть. Только надо поспешить. Этот чертов Северн Лэнгторн чересчур близко подобрался к Оксборо.

Не прошло еще и часу, как Ричард выехал из замка Седжвик, его боевой конь свеж и рвется в галоп, он мигом проскачет семнадцать миль, отделяющие Седжвик от замка Оксборо, что высился на берегу Северного моря.

Она выйдет замуж за дьявола в серой одежде. Через два часа. Нужно вернуться в замок, принять ванну, и служанки наденут на нее чудесное шелковое платье шафранового цвета, которое госпожа Агнес начала шить для Гастингс, когда той исполнилось двенадцать лет.

Нет, еще не пора. Она ехала верхом на своей Марелле, серой породистой лошадке со звездочкой во лбу, и гадала, не захочет ли этот человек забрать ее лошадь себе, ведь он, кажется, не признает иных цветов. Сегодня Гастингс обошлась без седла, лишь накинула уздечку на изящную голову Мареллы, вывела ее из конюшни на замковый двор и, легко вскочив на лошадь, проехала мимо Бимиса, оруженосца отца. Ему подчинялись три рыцаря с оруженосцами и пятьдесят солдат. Огромный двор был вытоптан дочиста, трава и деревья росли только в восточном углу, где находился яблоневый сад.

Бимис взмахнул рукой, хотел окликнуть ее, позвать назад, но ему помешал оружейник Скуибс. Гастингс осторожно миновала двор, запруженный женщинами, детьми и домашней скотиной, затем слегка тронула пятками бока лошади, проехала под решеткой ворот в восьмифутовой толщины стене и оказалась на подъемном мосту, перекинутом через глубокий ров, сделанный ее прапрадедом. Здесь она миновала еще одну стену, уже не такую мощную, как та, что защищала двор.

В двух милях отсюда находилось селение Оксборо, зажатое в излучине речушки Марксби, бегущей к Северному морю. Со временем селение превратилось в небольшой торговый город, защищенный собственными стенами и мощью замка Оксборо. Большей частью города владел ее отец. Не пройдет и двух часов, как это станет принадлежать Северну Лэнгторну.

Довольно мощная, хотя и не очень толстая стена защищала прилегавшие к замку угодья и город, к которому спускалась дорога, начинавшаяся за небольшой рощицей. Воздух радовал чистотой и свежестью, и Гастингс очень не хотелось сейчас встречаться ни с кем из горожан. Но когда ей радостно замахала дочь пекаря Эллен, она не смогла не ответить.

– Сегодня холодно, – сказала Эллен, похлопав лошадь по морде. – Мой па сказал, что вечером может налететь шторм.

– Вряд ли твой па испугается шторма и оставит без присмотра свои печи, – заметила Гастингс, и Эллен с готовностью расхохоталась. Она была милой шестнадцатилетней девочкой, худенькой и белозубой.

– Да, он вылезет из духовки, только когда ему совсем забьет нос пеплом. Ты выйдешь сегодня замуж, Гастингс?

– Да, – неохотно ответила та.

Час назад еще никто не знал, но раз Эллен спрашивает об этом, значит, новость уже облетела весь Оксборо.

– Я слышала, он видный мужчина и носит только серое. Может, даже красавец и сложен неплохо, как все воины?

Гастингс молча улыбнулась, глядя, как жена ювелира выбросила из верхнего окна кучу отбросов, и сказала:

– Мне пора возвращаться. Время не ждет.

Она проехала вдоль длинной стены, помахала людям отца, копошившимся на укреплениях, и направила Мареллу к берегу моря. Вода казалась темной и неспокойной, волны разбивались об утесы, служившие опорой твердыне Оксборо.

Холодный воздух обжигал легкие, кожу покалывали мельчайшие кристаллики соли. Ветер подхватил ее волосы, бросив тяжелые пряди в лицо. Чайки метались над волнами, карауля добычу, которую выбрасывали на песок неугомонные волны. Кулики, бакланы и поморники с воплями носились у нее над головой. Гастингс забыла прихватить для них угощение.

Теперь пора назад. Время не ждет. Она глубоко вздохнула, гадая, доведется ли ей снова приехать сюда, глотнуть вольного морского воздуха, послушать свист ветра, гулявшего в обломках скал, нагроможденных у подножия утесов.

Таггл, беря из рук Гастингс уздечку, тихонько шепнул ей на ухо:

– Лорд уже готов. Вас не смогли найти. Он не кричал, не ругался, говорил тихо, но всем ясно, что он недоволен. Он спрашивал у лорда Грилэма, не сбежали ли вы из дома, чтобы не выходить замуж. Лорд Грилэм уверял, что вы не настолько глупы.

– С какой стати кому-то могло прийти в голову, что я сбегу из дома? Я уже вернулась. Спасибо, Таггл. Позаботься о Марелле, она сильно устала.

Он искал ее? Но ведь из отпущенного времени у нее оставалось еще не менее часа. Она поспешила в главный зал, двери которого были распахнуты настежь, чтобы впустить под каменные своды немного тепла и света. Множество глаз смотрело в ее сторону, а перед ней, уперев руки в бока, стоял он.

– Ты и есть Гастингс Трент? Девица, которую я беру в жены?

Она испуганно молчала. И вдруг из-под туники Северна вылезла куница. Гастингс улыбнулась, протянув к зверьку руку.

– Не надо, он не всегда дружелюбен, может укусить.

Однако Трист и не думал кусать девицу, предназначенную хозяину в жены. Он довольно приподнял головку, когда она пощекотала белое пятнышко у него на подбородке, а потом так же внезапно опять спрятался под туникой.

– Да, я и есть Гастингс, – произнесла она, справившись с испугом. Если его не боится куница, то с какой стати ей трястись от ужаса. – А ты – Северн Лэнгторн. Человек, которого отец выбрал мне в мужья.

– Верно. От тебя пахнет лошадью, платье в грязи, а волосы в беспорядке, словно их кто-то нарочно растрепал. Иди к себе. Когда будешь готова, мы поженимся в опочивальне твоего отца.

– Была чрезвычайно рада с вами познакомиться! – крикнула Гастингс ему вслед. – Надеюсь, лорду Грилэму удалось обучить вас обхождению с дамами.

Северн застыл на месте, потом не спеша обернулся к ней и произнес:

– Тебе еще предстоит доказать, что ты не являешься дочерью своей матери. Может, тогда я и стану обращаться с тобой, как с леди. Ступай. Твой вид меня не радует.

Гастингс чуть не взорвалась от потока слов, просившихся наружу. Но тут из-за плеча хозяина снова выглянула куница. Зверек смотрел на нее, забавно покачивая головкой, и это было так уморительно, что Гастингс расхохоталась. Северн развернулся на месте и уставился на нее.

– Ты мне тоже не очень-то мил. Еще я ненавижу серое, – добавила Гастингс, убедившись, что он уже вне поля зрения, а возможно, и слуха.

Но в ответ кто-то рассмеялся. Неужели Северн Лэнгторн? Нет, это смеялся Грилэм де Мортон.

* * *

И вот она стоит у постели отца. Его глаза закрыты, дыхание частое, прерывистое.

– Отец, я здесь. Пора.

Открыв глаза, тот отшатнулся от нее, восклицая:

– Ты здесь? Ах, Жанет, ты здесь! Как ты сюда попала? Как?

– Я – Гастингс, отец, не Жанет. Я – не твоя жена. Я – твоя дочь. Твоя дочь!

Дыхание у него выровнялось, но он так и не поверил ей. Пелена замутила его глаза. Гастингс собирала васильки, отваривала, делала ему примочки, которые приносили лишь временное облегчение, и с каждым днем отец терял зрение. Вот он отвернулся, не желая разговаривать.

– Пришел отец Каррег, – прошептал Грилэм де Мортон.

– А мой жених?

– О да, соблаговолите обернуться, и увидите, что я здесь.

Обернувшись, Гастингс увидела, что он стоит рядом. Все в той же серой одежде, правда, уже без кнута и меча. Куница лежала на шее хозяина, словно пушистый воротник.

– Ты выглядишь немного лучше, – заметил он, смерив ее взглядом с головы до ног.

– Я не желаю, – выпалила Гастингс, вцепившись в бархатный рукав нарядного платья Грилэма. – Я не желаю выходить замуж. Кто он такой? Зачем он здесь? Разве нет иного способа?..

– Можете обращаться ко мне, мадам. Через несколько минут вы будете принадлежать мне, как и все остальное, даже платье и туфельки, что сейчас на вас надеты.

– Я вас не знаю. И хотела бы обождать.

– Это невозможно. Мы должны вступить в брак прежде, чем твой отец умрет. Есть много алчных людей, готовых захватить тебя и заставить выйти замуж силой. Твое единственное спасение – стать моей женой.

Гастингс уже тысячу раз слышала эти доводы. Отец с большим отвращением упоминал имя Ричарда де Лючи, который не на шутку испугал ее, когда она столкнулась с ним на прогулке два года назад.

– Ричард де Лючи женат, – сказала она, – для меня он не опасен.

– Жена его не остановит, – жестко произнес Северн. – Я думаю, она уже мертва.

– Я забью тебя до смерти кнутом, как забил твою мать, если ты сию же минуту не подчинишься. Начинайте обряд. – Фоук Трент нашел в себе силы приподняться на локтях и мрачно переводил взгляд с дочери на Северна Лэнгторна. – Начинайте обряд. Мой конец близок. Вы должны заключить союз, чтобы сохранить мои земли и родовое имя.

«А я при этом ничего не значу».

Отец игнорировал дочь с тех пор, как до смерти забил ее мать. От созерцания этого девочку избавили только хлопоты старой няни, но она не могла не слышать криков матери. Гастингс облизала пересохшие губы.

– Я готова, – вырвалось у нее, и она протянула руку жениху.

Отец Каррег не заставил себя ждать. Бормоча латинские фразы составленной им самим молитвы, он глядел то на Северна, то на Фоука Трента, и Гастингс заметила, что в спешке он даже пропускает некоторые части обряда. Едва прозвучали заключительные слова, эрл испустил дух. Отец Каррег облегченно вздохнул и отер пот со лба.

– Я уже отпустил ему грехи. Теперь мне остается лишь молиться за упокой его души. Можете прощаться с ним.

– Дело сделано, – произнес Северн и осторожно закрыл Фоуку глаза, ничего не видевшие в последние месяцы.

Гастингс в оцепенении смотрела на отца. Он лежит мертвый, а она вышла замуж. Что она должна сказать на прощание? Может, поблагодарить его за то, что отдал дочь человеку, который станет обращаться с нею не менее жестоко, чем он сам? Она заставила себя прикоснуться к щеке умершего и тут же отпрянула.

Куница, ни разу не показавшаяся за время церемонии, высунула мордочку, огляделась и недовольно заворчала.

– Куница не любит запах смерти, – объяснил Грилэм.

– Распорядись, чтобы позаботились о твоем отце, – приказал Северн, – потом иди в главный зал. И не забудь про свинину для Триста. Похоже, ему нравится, как ее готовит здешний повар.

– Милорд, – вмешался отец Каррег, – я уже оповестил всех, что вас теперь зовут Северн Лэнгторн-Трент, барон Лугез, эрл Оксборо.

– Дело не в имени. Главное, что я – их лорд. – С этими словами новый хозяин покинул спальню.

– Я верю ему, – заявил Грилэм, привлекая к себе Гастингс, – он хороший человек.

– Мой отец умер.

– О да, Гастингс, но ведь он прожил славную жизнь. И был моим другом. Нам всем будет его не хватать.

– Должна ли я возлечь с этим человеком в ночь смерти отца?

– Нет. Я поговорю с Северном, он не придет к тебе сегодня. Но послушай меня, Гастингс. Он – мужчина, воин, а теперь и лорд Оксборо. Он должен влить в тебя свое семя не только, чтобы защитить тебя, но и чтобы укрепить ваш союз. Так уж повелось. Ты сама это знаешь.

– Мне понравилась куница.

– Трист – ужасный пройдоха, хитрее многих людей. Северн говорит, ты его погладила, а он тебя не укусил. Мне же пришлось уговаривать его не один месяц, прежде чем я смог хотя бы прикоснуться к нему. Пусть теперь женщины обмоют Фоука, мы же пойдем в главный зал. Предстоит свадебный пир. Все надо сделать как положено.

– Сколько ему лет?

– Всего лишь двадцать пять. – Грилэм лукаво посмотрел на девушку, грея ее ледяные руки в своих. – Не такой старик, как я, мне ведь уже тридцать один.

Гастингс взглянула на отца, над которым уже хлопотали две женщины.

– Прощай, отец, – прошептала она и обернулась к Грилэму. – Я помню, хотя была совсем маленькой, как мама сказала мне, что отец обрадовался, когда я родилась первой. Было кому передать имя Гастингс и сохранить традицию. Но после меня не родилось ни одного мальчика. Наверное, поэтому он возненавидел меня.

– Идем. – Вместо ответа Грилэм увел ее из комнаты.

Глава 3

Во время ужина куница постоянно косилась в сторону Гастингс, однако не приближалась, оставаясь рядом с хозяином.

– Грилэм передал, что сегодня ночью ты не желаешь быть со мной. – Северн впервые обратился к Гастингс с того момента, как отец Каррег закончил брачную церемонию и они вышли из отцовской спальни.

Ее пальцы сжали оловянный кубок, такого же холодно-серого цвета, как и широкая повязка на левом рукаве Северна. Хотела бы Гастингс знать, что она означает.

Даже вообразить невозможно, чтобы этот чужеземец приблизился к ней, чтобы взял ее, как муж берет жену, потому что ему дано такое право. По крайней мере ей казалось, что у него есть право делать все, что он пожелает. Ведь он мужчина и от рождения наделен правом распоряжаться своею женой. Разве отец не убил когда-то ее мать? Вряд ли даже у отца Каррега могли возникнуть по этому поводу хотя бы малейшие сомнения.

– Да, – ответила Гастингс. – Я бы хотела как можно дольше оставаться такой, как сейчас.

– Значит, одну ночь. Я дам тебе эту ночь.

– Завтра будут хоронить отца. Завтра тоже слишком рано.

– Завтра все должно быть сделано.

– По твоим речам не скажешь, что ты пылкий новобрачный.

– Верно. Я устал. Я измучил своих людей и себя, чтобы успеть в Оксборо до смерти твоего отца. А чтобы держать себя в руках, мне пришлось по дороге переспать с толпой шлюшек. Но теперь я очень сомневаюсь, имеешь ли ты вообще представление о том, как поступают пылкие новобрачные. Больше похоже на то, что ты будешь лежать бревном, а я не получу никакого удовольствия. Однако завтра, хочу я того или нет, мне придется это сделать. Нельзя считать себя в безопасности, пока я не лишу тебя девственности и не пролью свое семя в твое чрево.

Гастингс взглянула на куницу. Довольный зверек с набитым животом удобно вытянулся на руке Северна.

– Какой он толстый.

– Да, ему не нужно охотиться. Он еще не успел оправиться после Руанской тюрьмы.

– Лорд Грилэм рассказал про ваше заключение.

– И напрасно. Это не твое дело.

– Судя по всему, он так не считает. Уж коли мы женаты, разве мы не должны знать друг о друге?

Северн уставился на оловянную тарелку с мясом и ломтями хлеба. Жирная подливка давно застыла. Он заметил, что Гастингс тоже почти ничего не ела.

– Для меня это не имеет значения. Ты – моя жена. Ты принадлежишь мне, и я должен охранять тебя, как и остальную собственность.

Видимо, так же думал о ней и отец. Ей было позволено заботиться о нем, обеспечивать всеми удобствами, но оставаться презренным существом. Ведь она только дочь собственной матери. Гастингс слышала, как одна из служанок и госпожа Агнес болтали, что ее мать проклята, родила девчонку вместо наследника, хотя семейная традиция сохранилась и ее назвали Гастингс. Жанет не хотела постоянно рожать, а ведь именно на это обрек бы ее Фоук, стараясь получить сына. И Жанет любила свою дочь, в этом Гастингс была уверена. Отбросив мрачные воспоминания, она посмотрела на мужа, еще одного мужчину, который воспринимает ее только как неизбежное бремя.

– Ты сказал, что по пути спал со многими женщинами. Зачем?

– А что тут непонятного? – высокомерно поднял бровь Северн. – Ведь я мужчина и хотел держать себя в руках.

– Когда мне было пятнадцать, – отважно начала Гастингс, твердя про себя, что можно не бояться человека, у которого на рукаве так мирно спит зверек, – меня поцеловал сын ювелира. Мне понравилось. Наверное, следовало побольше насладиться этим до того, как выйти за тебя замуж.

Видимо, рука Северна напряглась, и куница встрепенулась, готовая соскочить. Тот пощекотал ей головку. Зверек и рука расслабились. Северн подцепил вилкой кусок мяса, осмотрел его, словно убеждаясь, что еда не отравлена, положил мясо в рот, тщательно прожевал и сказал:

– В тебе мало кротости. Для жены это недостаток. Ты должна молчать, повиноваться, не раздражать меня и уж тем более не сердить.

– Я тебя не раздражаю, лишь пытаюсь шутить. Возможно, в моих словах есть чрезмерная ирония. Прошу меня понять, милорд. Я успела рассмотреть, что ты именно мужчина. И весьма сильный, настоящий защитник и воин. Я это признаю. Готова признать тебя и как супруга, раз лишена возможности выбирать, однако я никогда не стану подстилкой, о которую можно вытирать ноги. Даже мой отец не требовал от меня подобного.

– Муж – не отец.

– Да. – У Гастингс возникло чувство, что она пытается биться головой о крепостную стену. – Ты прав.

– А ты не слишком оплакиваешь отца.

– Я уже наплакалась за последние два месяца. Мне удавалось облегчить ему боль, но вылечить его я была не в силах. К тому же он вообще не желал принимать лекарство из моих рук.

– Ты умеешь лечить?

– Пытаюсь. Иногда получается, а иногда болезнь оказывается сильнее человека и всех моих снадобий.

– Послушайте меня, – обратился к присутствующим лорд Грилэм. – Давайте выпьем за новых лорда и леди Оксборо.

Они дружно выпили, пожелали молодым счастья, однако выглядело это неестественно. Кто знает, что за человек стал их хозяином. Все были встревожены. Более того, Гастингс знала, что люди тревожатся и о ней. Даже Бимис с оруженосцами держался настороже, хотя успел подружиться с людьми Северна.

Как только позволили приличия, она сразу удалилась из зала. Ведь эта ночь будет последней ночью ее свободы. Госпожа Агнес, которая нянчила еще мать Гастингс, проводила новобрачную до спальни.

– Лорд был чрезвычайно добр, – сказала она, – пообещав не приходить к тебе сегодня ночью. Но завтра, милая девочка, ты должна ему подчиниться. Я помолюсь, чтобы он не сделал тебе больно, и все-таки ты должна знать, что в первый раз всегда больно. Только лежи смирно и не мешай ему. Об остальном поговорим после.

«О чем остальном?»

– Я и так все знаю, Агнес. Я даже слышала, что некоторым женщинам это нравится. Вероятно, это нравилось и моей матери, раз она сама пришла к нашему сокольничему Ральфу.

– Не путай себя со своей несчастной матерью. Она только оступилась, а лорд Фоук не дал ей шанса исправиться. И это огромное горе.

– О чем ты говоришь? Разве она хотела вернуться к отцу? Послушай, Агнес, мать скончалась много лет назад, отец тоже мертв, им больше никто не причинит боль. Расскажи мне все, Агнес. Или я не имею права знать?

– Стой тихо, – велела старая женщина, расправляясь с бесчисленными застежками свадебного платья. – Сохрани это платье для своей дочери, ведь у меня вряд ли хватит сил сшить новое.

– Вот еще. Ты обязательно будешь нянчить моих детей, Агнес, и шить моим дочерям подвенечные платья.

– Слушай меня, Гастингс, – улыбнулась Агнес, будто вспомнив о чем-то приятном из собственной юности. – Ты должна проявить терпение, дать мужу привыкнуть к тебе. Он слишком долго жил один, ни о ком не печалясь, не заботясь о близком.

– Кроме своей куницы.

– Да, куница. Странная причуда для воина. Ну вот, теперь я уберу платье в сундук, помогу тебе надеть рубашку и причесаться.

– Зачем, ведь он сегодня не придет.

– Ох, я совсем забыла. Ну, доброй тебе ночи, милочка, и не бойся шторма, который разыгрался нынче на море. Приятных снов. – Агнес поцеловала Гастингс в щеку. – Какой же ты стала красавицей, еще краше матери. А глаза зеленее того мха, что растет в Певенсейской чаще. Впору какому-нибудь трубадуру явиться к нам в замок да воспеть твою красоту.

Гастингс молча улыбнулась. С нее довольно и того, что к ним в замок явился ее муж.

Агнес кивнула на прощание и вышла. Гастингс лежала, вслушиваясь в грохот волн, бившихся о скалы у подножия замка. Еще утром она любовалась ими, и человек в сером вообразил, что невеста сбежала из дома. А если бы она так и поступила? Наверное, его бы это мало опечалило.

Засыпая, Гастингс представила себе куницу, устроившуюся на плече хозяина. И большую руку, ласкавшую мордочку зверька.

Но сон оказался довольно беспокойным, хотя шум ветра обычно убаюкивал Гастингс. Она вдруг услышала рядом чье-то дыхание и вздрогнула. Нет, это не сон, чьи-то руки касаются ее тела.

Открыв глаза, она не сразу разглядела лицо склонившегося над ней человека. Ее муж.

– Хорошо, что ты проснулась, Гастингс, и сама можешь снять ночную рубашку.

Значит, он, Северн, наяву проник к ней в спальню!

– Что тебе нужно? Ты же обещал подождать. – Но он лишь тяжело дышал, разглядывая ее полуобнаженное тело. – Зачем ты пришел сюда? Проклятый лгун!

Северн попытался раздвинуть ей бедра, но она изо всех сил отпихнула его ногой, и он едва не упал.

Гастингс видела, что он разозлился, ощущала его гнев и все больше пугалась. Без сомнения, он готов взять ее силой, возможно, даже причинить боль. Ей нужно лечь на спину и терпеть. Но это выше ее сил. Гастингс встала на колени и снова попыталась отпихнуть его от себя.

– Почему ты солгал мне?

– Я не лгал и поступил бы так, как обещал, но сейчас все изменилось. У меня нет выбора. Успокойся.

Он уложил ее на кровать и лег рядом, не позволяя вырваться. Затем поднял до пояса ночную рубашку и замер, но ненадолго.

Гастингс почувствовала, как ненавистная рука скользит между ее бедер, проникает внутрь, и закричала от ужаса.

Северн выругался сквозь зубы и беспощадно двинулся глубже. Когда Гастингс начала извиваться, он внезапно отпустил ее и, подойдя к туалетному столику, принялся изучать стоявшие там баночки. Вот он удовлетворенно кивнул и взял пальцем изрядную порцию жирного крема. Боже милостивый, что он собирается с ним делать? Залепит ей рот? Отравит, когда и так уже добился своего? Неужели ему все равно, будет она живой или мертвой?

Вскочив с кровати, Гастингс ринулась к двери. Она слышала за спиной ругательства, но не обернулась. Выбежала в коридор и бросилась прочь. Но через мгновение ее схватили чьи-то сильные руки.

– Гастингс, перестань.

Это был лорд Грилэм. Он как следует встряхнул ее, прижал к себе. Она едва сознавала, что выскочила почти голая, в разодранной ночной сорочке, и, трясясь от ужаса, забормотала, как безумная:

– Грилэм, он солгал. Он пришел меня изнасиловать. Не позволяй ему, Грилэм. Он обещал подождать. Пожалуйста!

– Успокойся. – Грилэм взглянул на стоявшего рядом Северна. – Ты решил взять ее силой?

– Да посмотри же, – возразил тот, поднимая руку, – пальцы вымазаны кремом, чтобы легче войти в нее. Она суше, чем песок в арабской пустыне! – И он шагнул к Гастингс.

– Нет! – взвизгнула та, пытаясь вырваться, но Грилэм держал крепко.

– А теперь послушай меня. Иди с Северном, ты должна стать его женой сегодня. До нас дошли вести, что вокруг Оксборо рыщут незнакомцы, скорее всего банда де Лючи. У нас нет выбора. И постарайся хотя бы не мешать ему.

Гастингс почувствовала на талии руку Северна. Он подхватил ее и понес обратно в спальню.

– Я сделаю ей не слишком больно. – Он захлопнул ногою дверь, запер ее на ключ, положил Гастингс на кровать и приказал: – Не двигайся. Все получится быстро, а если начнешь вырываться, то тебе же будет хуже.

– Что ты собрался делать с моим кремом?

– Ты же абсолютно сухая, и крем облегчит нам дело. Черт побери, ты хоть знаешь, что я должен сделать?

– Ты должен покинуть мою спальню. Я не разрешала тебе вламываться сюда и хочу, чтобы ты выполнил обещание. Те люди не смогут проникнуть в Оксборо, он хорошо укреплен. Если у тебя есть хоть капля чести, ты сдержишь слово.

– Послушай, миледи, – начал Северн, усевшись на кровать, – я уверен, в лесу бродит Ричард де Лючи. Его жена умерла, наверняка он сам ее прикончил и явился сюда за тобой. Я должен скрепить наш союз. На это у меня только сегодняшняя ночь. Завтра будет битва. Ты поняла?

– Мог бы раньше сказать, а не набрасываться молча. – Гастингс внезапно успокоилась.

– Я же говорил, что у меня нет выбора. И ты моя жена. К чему лишние слова?

Он сидел неподвижно, только внимательно глядел на нее.

Отец лежит внизу в погребальном саване. Ричард де Лючи рыщет возле замка. Ей не на что надеяться.

– Хорошо. Я не буду сопротивляться. А ты больше не рви мою одежду.

– Тогда оставайся голой. – Он снял с нее остатки рубашки. – Раздвинь ноги.

Это оказалось намного труднее, чем она представляла. Гастингс крепко зажмурилась.

– Согни колени.

Она знала, что он смотрит на нее, смотрит туда, куда не заглядывал еще ни один человек. У нее пересохло в горле. Она чувствовала, как скользкие от крема пальцы все глубже пробираются внутрь, и, несмотря на ее старания, тело само попыталось отодвинуться.

– Мне больно, – прошептала Гастингс.

– Ты делаешь правильно. С тобой ничего не случится. Все кончится быстро. – Северн неожиданно встал. – Не сдвигай ноги.

Открыв глаза, она с изумлением увидела, как он намазывает остатками крема свою внушительных размеров плоть.

– Лежи смирно, я сейчас все сделаю.

Она честно старалась лежать смирно, но вдруг закричала от боли и непроизвольно попыталась вывернуться из-под навалившегося на нее тела. Чертыхаясь, Северн нажал еще сильнее, и она захлебнулась от крика.

Гастингс лежала неподвижно, словно труп, пока он занимался своим делом. Все закончилось довольно быстро. Хоть в этом он не солгал. Издав какие-то странные звуки, он несколько раз судорожно дернулся, откинул голову и замер.

В следующий момент Северн встал с кровати, а она внимательно разглядывала гобелен, украшавший противоположную стену. Шторм бушевал вовсю, по замку гуляли сквозняки, от которых гобелен слегка колыхался.

– Ну вот, ты спасена.

– Спасена? Ты обошелся со мной, как с пустым местом, и еще заявляешь, что спас меня? – гневно уставилась на него Гастингс. Он, тяжело дыша, стоял у кровати, а орудие пытки безвольно свисало между ног. – Я тебя ненавижу. Похотливая скотина! И я никогда тебя не прощу. Никогда.

– Скотина не пользуется кремом, – заметил Северн, начиная одеваться. – Я старался уменьшить твою боль. Эту печать приходится срывать с каждой девственницы, у меня ушло немало сил на то, чтобы пронзить щит твоего целомудрия. В следующий раз ты уже не почувствуешь боли.

«Надо же, он пользуется кремом, такой великодушный».

– Ты даже не потрудился разуться. Изорвал в клочья мою одежду, а сам оставался одетым.

– Я хотел быстрее покончить с этим. И накройся, а то лежишь здесь, как шлюха. Не вздумай смывать мое семя. Чем скорее ты забеременеешь, тем прочнее будет мое положение. – У двери Северн обернулся и добавил: – Завтра не смей выходить из замка. Сначала я должен найти Ричарда де Лючи. Если он достаточно разумен, может, и не придется его убивать. Но, боюсь, он будет первым среди многих. Пока ты не забеременеешь, тебе грозит опасность.

«Ну да, ему нелегко, бедняге, женился на богатой наследнице».

Она лежала, боясь шевельнуться, чувствуя себя так, словно ее внутренности разорваны на куски. Впрочем, именно это он и сделал своим орудием пытки. Господи, какая боль. Она положила руку на живот. Теперь она уже не прежняя Гастингс.

Она так и не дождалась от него ни хотя бы проблеска нежности, ни единого слова утешения. Крем заменил все ласки. Она вышла замуж шесть часов назад и уже всей душой ненавидела человека, ставшего ее мужем.

Глава 4

– Она ушла.

– Что? – Северн непонимающе уставился на старую женщину. – Кто ушел?

– Гастингс. Миледи, ваша жена, ушла. Что вы с ней сделали? Гастингс никогда не поступала так опрометчиво, но я не смогла ее найти. Ее нет в замке.

– Что за чертовщина? – спросил подошедший Грилэм. – Гастингс ушла?

– Да, милорд Грилэм. Я видела кровь на постели и кровавую воду в тазике. Лорд не сдержал обещания. Сегодня хоронят ее отца, и он не должен был приходить к ней прошлой ночью.

– Я не мог поступить иначе, – возразил Северн. – Здесь объявился Ричард де Лючи, он наверняка собирается ее похитить. Мне нужно было запереть спальню. А ты еще говоришь о ее благоразумии. Если она выйдет из замка, негодяй де Лючи тут же этим воспользуется. Подобная глупость выше моего понимания. – Северн с досадой стукнул себя кулаком по лбу. – Разве можно ждать благоразумия от женщины? Круглый дурак! Вообразил, что она поняла, что у нее есть мозги. Значит, Грилэм, наши планы меняются. Я должен найти ее прежде, чем это сделает Ричард де Лючи. Проклятие! Она еще узнает, как мне перечить.

– Сейчас всего семь часов, – обратился Грилэм к мадам Агнес. – Ты проверила только спальню?

– Я искала везде. Если кто-то и видел ее, тогда он мне нагло соврал.

– А цветник?

– Нет, я искала только в замке. Сейчас посмотрю.

– Я сам посмотрю, – перебил Северн. – Я велел ей не покидать замок. Она должна научиться смирению.

Опустившись на колени, Гастингс в старом зеленом платье копалась у себя в цветнике, скрытом за рядом персиковых деревьев. При виде ее Северн почувствовал гораздо большее облегчение, чем хотел бы признаться. Кругом все было усыпано чудесными цветами. В глаза сразу бросались огромные алые розы, неправдоподобно яркие и высокие. Рядом цвели маргаритки с золотистой сердцевинкой и белоснежными изящными лепестками. Названий множества других цветов Северн не знал. Грядки с лечебными травами были заботливо обработаны и покрыты обильной зеленью. Он покачал головой. Кому нужен этот цветник?

К рассвету шторм утих, и на безмятежно синем небе ярко светило утреннее солнце. Занятая своим делом, Гастингс не услышала шагов мужа. Ничего, скоро она научится различать его шаги, будет вскакивать и делать реверансы задолго до того, как он успеет подойти. Северн перешагнул через плетеную изгородь и склонился над женою, загораживая солнце. Кажется, она целиком ушла в работу.

Гастингс любила копаться в земле, брать в руки жирные влажные комья, представляя, какой силой они наполнят растения. На минуту она разогнулась, чтобы полюбоваться грядкой цветущего розмарина. Удовольствие от работы помогло успокоить бурю в душе. Конечно же, его мнимые опасения из-за Ричарда де Лючи – полный абсурд. Разве можно пробраться в Оксборо? Услышав сзади какой-то звук, Гастингс, не поворачивая головы, сказала:

– Таггл? Пожалуйста, оседлай Мареллу, я хочу покататься часок-другой.

– Думаю, ты этого не сделаешь.

Гастингс даже подскочила от неожиданности.

– Ты! – воскликнула она и быстро добавила: – Смотри, куда встал. У тебя под ногами розмарин, не поломай его.

– Мне нет дела до твоего розмарина, – буркнул Северн, подавшись в сторону. – Что это за цветок с таким глупым женским названием? Почему ты всполошилась из-за какого-то розмарина?

– Именно он делает такой вкусной свинину для твоей куницы. А еще принесет облегчение, если у тебя заболит желудок, восстановит мужскую силу, если пить его девять дней. Может, он понадобится и тебе?

– Не пытайся меня разозлить. – Северн присел на корточки. – С теми, другими, я был несколько дней, а тебя взял один-единственный раз. Сомневаюсь, что мужская сила во мне иссякла. Почему ты не в замке?

– Я в замке. Оглянись. Вокруг полно моих людей.

– Моих людей.

– Хорошо. Здесь полно народу, и все поднимут адский шум, если ко мне захочет пробраться кто-то чужой.

Северн решил, что в цветнике ей, пожалуй, ничто не угрожает, однако у него еще оставались причины для неудовольствия.

– Ты приняла меня за Таггла и велела оседлать лошадь. Уж не собралась ли ты выехать из замка?

– Да, собралась, только ненадолго, и меня бы сопровождали оруженосцы Бимиса. Я должна навестить Ведунью, которая живет в Певенсейской чащобе. Почти все мои знания от нее. Но спасти отца не смогла даже она.

– Ну так пошли слугу, чтобы доставил ее в замок, – нетерпеливо махнул рукой Северн.

– Она не приедет. Я уже много раз пыталась ее уговорить.

– Ну, значит, поскучаешь какое-то время без нее. А теперь слушай меня, леди. Ты останешься в этом цветнике или же вернешься в замок и никуда больше не выйдешь, пока я не разберусь с Ричардом де Лючи. Поняла?

– Трудно не понять, если ты так кричишь.

– Нет, ты меня просто слышишь, но я не уверен, что понимаешь. Как ты посмела смыть мое семя? Я запретил это делать.

Гастингс невольно потянулась за острой лопаткой. Ей ужасно захотелось изо всех сил ударить его, размозжить ему голову. Но дотянуться она не успела, и в следующий момент лопатка уже отлетела в сторону от его удара.

– Как ты догадался, что я смыла твое семя? – удивленно спросила Гастингс.

– Твоя нянька видела кровь в тазике для умывания.

Пока Северн выпрямлялся, она, изловчившись, схватила лопатку.

– Да, я желала смыть всякое напоминание о тебе.

– Ты смеешь поднять на меня руку?! – воскликнул он, предупреждая ее взмах, хотя оставался поразительно неподвижным, как в тот первый день, когда Гастингс захотелось осенить себя крестом.

В следующий миг она краем глаза заметила чью-то тень и стремительное движение. Она с криком рванулась вперед, а Северн, потеряв равновесие, упал на грядки, и удар кинжала пришелся ему в плечо.

Не раздумывая, Гастингс вскочила на ноги и бросилась к незнакомцу, хотя тот уже занес оружие для второго удара. Она была уверена, что негодяй не посмеет ранить ее, ведь в случае ее смерти хозяин убийцы ничего не выиграет. Лопатка обрушилась на голову нападавшего, но лишь слегка оглушила его. Тогда Гастингс вцепилась ему в глаза.

Пока убийца прижимал руки к лицу, она ударила его лопаткой в пах, заставив рухнуть на колени. К ним бежали двое мужчин, но то не были люди из Оксборо или Лэнгторна. Вырвав кинжал из безвольной руки поверженного, Гастингс приготовилась к защите, громко крича:

– Грилэм! A moi! A moi![3] Бимис! Эй вы, мерзкие трусы, боитесь напасть вдвоем на одну женщину? Ну, подходите, доблестные воины. Подходите!

– Да-да, – раздался голос Северна, – подходите, чтобы мне было удобнее перерезать вам глотки.

Гастингс хотела обернуться и взглянуть на него, но не решилась. Если он справится с болью в плече, то сможет защитить их обоих. В тот же момент блеснуло лезвие меча, и один из негодяев свалился, обливаясь кровью. Второй бросился прочь, ибо к ним уже мчались воины Оксборо.

Гастингс обернулась к мужу. В одной руке он держал окровавленный меч, а другой зажимал рану.

– Я уже поверил, что здесь ты в безопасности, – сказал он. – Ума не приложу, как им удалось сюда забраться. Неужели твои люди такие бездельники?

Ответить Гастингс не успела. К ним подбежали Грилэм и Бимис. Побледневший Бимис не спускал глаз с нового хозяина.

– Я не знаю, как это произошло. Я этого не знаю, но впредь такого больше не случится, милорд.

– А если случится, то я семь шкур с тебя спущу. Мне он нужен был живым.

– Он жив.

– Хорошо, я его допрошу. – Северн покосился на Грилэма, потом взглянул на кровь, сочившуюся у него из-под пальцев, открыл было рот, но рухнул на розмарины и мяту.

Не успев еще открыть глаза, Северн почувствовал сверлящую боль. Ничего, с простой физической болью он справится. Кажется, он потерял сознание. Да, и упал в обморок, словно какая-нибудь чертова баба, его перетащили на кровать. От стыда у него свело желудок, и, приподнявшись, он изверг его содержимое в подставленный таз.

– Ступай прочь. Я не хочу, чтобы ты сейчас была здесь.

– Почему нет? Не будь меня здесь и не знай я, что тебе может стать дурно, ты бы измазал всю одежду.

– Ты и сюда притащила свою лопатку? – Северн испытывал большое желание придушить ее.

– Нет, она осталась возле того человека.

Черт побери, а ведь Гастингс защитила себя. Более того, защитила их обоих, будь она проклята. Девушка, едва достававшая ему до плеча, сбила его с ног. Иначе он бы вовремя заметил того мерзавца. Или нет? А как она вцепилась ему в глаза и ударила в пах. Кто только ее научил? Другая женщина на ее месте упала бы в обморок, а не бросилась бы на убийцу.

– Что ты со мной делаешь? – уныло поинтересовался Северн.

– Резонный вопрос. И весьма своевременный. Хотя настроение у тебя такое же дурное, как и дыхание.

– Не смейся надо мной, леди. – Он почувствовал, что Гастингс села рядом. – Что ты делаешь?

От боли у Северна перехватило дыхание, но, зажмурившись, он усилием воли овладел собою. Ведь она тут и смотрит на него.

– Выпей. – Гастингс поднесла к его губам кубок со сладкой терпкой жидкостью. – Хорошо. Теперь лежи смирно, я промою рану бальзамом из корней синеголовика и перевяжу. Ты выживешь, милорд.

– Синеголовик?

[3] Ко мне (*фр.*).

– Многие называют его морским остролистом, он растет у самой кромки воды. Я смешала его с ячменем и отваром горечавки. Не волнуйся, милорд, я тебя не убью.

– Кончай с перевязкой и оставь меня. Я хочу допросить того негодяя.

– Не ворочайся, Северн, – раздался голос Грилэма. – Она и так едва остановила кровотечение. Я уже сам поговорил с ним.

Северн почувствовал, что кто-то шевелится у него на груди, и тут из-под одеяла высунулся Трист. Коснувшись головки зверька, он ласково сказал:

– Я в порядке, Трист. Не волнуйся.

Тот странно мурлыкнул и положил мордочку хозяину на грудь, не спуская с него глаз.

– Он все время с тобой, – заметила Гастингс. – Когда тебе стало плохо, он выскочил, но потом вернулся, лег к тебе на грудь и то ли скулил, то ли выл. Я так и не смогла уговорить его.

Этот ее проклятый ум. Откуда только она его набралась? И почему скрывала от него?

– Ничего бы не случилось, если бы ты меня послушалась, – заметил Северн, пронизывая ее мрачным взглядом.

– Да, – легко согласилась Гастингс, – ничего бы не случилось.

– Наш пленный, – напомнил Грилэм, – не желает говорить. Даже не признается, что его хозяин Ричард де Лючи. Он якобы пришел из деревни, чтобы продать кожи, у него действительно на ремне несколько шкур.

– Я сейчас заставлю его говорить. В Святой Земле я многому научился.

– Как и все мы, Северн.

– Совсем не обязательно его пытать, – возразила Гастингс. – У меня он быстро все расскажет по собственной воле.

Северн чертыхнулся, а Трист поднял головку и уставился на Гастингс, которая машинально погладила его. Потрясенный, Северн увидел, как зверек с наслаждением зажмурился и вытянул лапки.

– И каким же образом?

– Я дам ему подслащенного эля, и он не ощутит привкуса мандрагоры и корня тысячелистника. У него начнется ужасная рвота. Этого никто не вытерпит. А я предложу ему лекарство, если он скажет правду.

– Не верю, – возразил Северн. – Что это за лекарство?

– Размельченные цветы водосбора и горечавки, смешанные с кислым пивом. Горечавка успокаивает рассудок и кишечник. Ты ведь и сам только что выпил горечавки, и тебе стало легче.

– Ах, – воскликнул Грилэм, – ты имеешь в виду горькую настойку! Моя Кассия тоже ею пользуется, хотя жалуется, что малышу Гарри она не очень помогает.

– Я пошлю ей свой рецепт, – улыбнулась Гастингс. – Его составила для меня сама Ведунья.

Северн выругался, и оба с недоумением обернулись.

– Да успокойся. Раз Гастингс взялась тебя лечить, ты поправишься намного быстрее, чем заслуживаешь. Будь любезна, немедленно смешай зелье для пленника.

– С удовольствием. Надо будет кое-что подогреть и вскипятить. Это займет немного времени.

– Нет! Я сам пойду к нему и…

– И что? Выдерешь ему ногти? Разрежешь на куски? Или вообще убьешь, ничего не узнав?

– Не твое дело, черт тебя побери. Я здесь хозяин и буду поступать так, как считаю нужным. Хватит твоей болтовни…

Внезапно Трист вскочил, потерся мордочкой о подбородок Северна, закрыв ему рот своим телом, свесив хвост на ухо.

– Выпей, – предложила Гастингс, – тут еще немного горечавки, и ты успокоишься.

Грилэм осторожно снял Триста, поднес к губам Северна кубок и не отнимал до тех пор, пока тот все не выпил.

– Эта ведьма отравит меня, – прошептал раненый, закрыв глаза.

– Зачем травить, я лучше убью тебя лопаткой. Он слишком огромный, Грилэм, – заметила Гастингс, не сводя глаз с ровно дышащего мужа. – Одна порция горечавки для него мала.

– Да, – протянул Грилэм.

Через пять минут судорожной рвоты несчастный уже молил вылечить его:

– Пожалуйста, леди, спасите. Я все расскажу. Пожалуйста.

Гастингс улыбнулась Грилэму и Северну, растолкла цветы горечавки, медленно смешала их с подогретым элем и выставила на солнце. Покачивая жидкость в кубке, она смотрела, как муж склонился над пленником. Вокруг них толпилась еще дюжина воинов.

– Ты вовсе не крестьянин, как пытался нас уверять. Скажи, кто твой хозяин и что ему надо, – приказал Северн.

Несчастный побледнел. Судороги очередного приступа рвоты оказались еще более ужасными, так как его желудок был уже давно пуст.

– Милорд Ричард со своими людьми скрывается в Певенсейской чащобе. Мы трое нарядились крестьянами и легко пробрались в замок. Ведь сегодня базарный день. Потом мы увидали ее и попытались схватить. Дайте же мне лекарство, миледи, прошу вас.

Гастингс поглядела на мужа. Тот держался естественно, словно и не был ранен. Решать должен он. Может, Северну захочется просто убить пленного.

– Дай ему зелье, Гастингс.

– Пей не спеша, – велела та, поднося кубок к губам страдальца. – Делай глотки поменьше. Тебя перетащат в тень, ты уснешь, а когда проснешься, все будет в порядке.

Бедняга снова упал в зловонную лужу, и Северн объявил:

– Я отпускаю его. Он отнесет послание Ричарду де Лючи. Грилэм, идем со мною, нужно составить письмо.

Оказывается, муж грамотный. Но Гастингс уже ничему не удивлялась и даже почувствовала облегчение. Значит, ей самой не придется следить за управляющим Торриком. Отец, также владевший грамотой, всегда твердил, что уже не боится стать жертвой недобросовестных людей, особенно если это касается денег.

Следом за мужчинами Гастингс направилась в главный зал, думая, как бы она сама поступила с тем несчастным. Отец наверняка с большим удовольствием прикончил бы его, а может, еще и дразнил бы кубком с лекарством, вонзая в беднягу кинжал.

Пленника отпустили к концу дня, и он с благодарностью взглянул на Гастингс. Неужели забыл, что именно она дала ему рвотное?

– Жду ответа завтра утром, – напомнил Северн. – Если твой хозяин заупрямится, мне придется его убить и захватить его замок.

– А перед тем как Северн отправит Ричарда де Лючи в ад, наша леди напоит его таким зельем, что он будет выплевывать собственные кишки, – добавил Грилэм.

Когда несчастный покинул Оксборо, настало время предать земле тело Фоука Трента. Его похоронили рядом с супругой, которую он убил, и отец Каррег сказал прощальную речь. Остальные молчали, было слышно, как неподалеку квохчут куры, хрюкают свиньи, а за стенами замка мычат коровы.

– Я передаю меч Фоука Трента его наследнику лорду Северну Лэнгторну-Тренту, барону Лугезу, третьему эрлу Оксборо, – закончил отец Каррег.

Северн выхватил меч из ножен, поднял его над головой и торжественно произнес:

– Принимаю наследство и клянусь хранить его так же, как храню собственные владения. От всех моих вассалов я приму клятву до исхода лета.

Раздались приветственные крики, причем не только среди мужчин, но даже среди женщин и детей. Залаяли собаки. Все оживились, признавая нового лорда.

Теперь Гастингс окончательно поняла, что прежняя жизнь кончилась. И нет пути назад. В замке – новый хозяин. Ее хозяин.

Северну нужно посетить еще три отцовских, а ныне его замка, где он примет клятвы в верности и решит, кто будет править в его отсутствие. Гастингс спрашивала себя, осмелится ли кто-то из отцовских вассалов оспорить права нового эрла Оксборо.

Глава 5

Северн задержался на пороге спальни. Комнату уже старательно убрали. Хотя он через госпожу Агнес отдал распоряжение, Гастингс не подчинилась и не соизволила дождаться мужа.

Рана еще болела, но Северн думал, что сумеет овладеть женой. На его взгляд, это совершенно необходимо. Может, сегодня она не обзовет его скотиной. А может, обзовет. Наплевать. Он, мужчина, не свернет с намеченного пути.

Северн вошел в тесную девичью спальню Гастингс. Она стояла у распахнутого настежь окна, и ветерок ласково шевелил ее волосы. На ней было то же зеленое платье, но косу она успела распустить. Какие у нее красивые волосы, блестящие, мягкие. Наверное, их приятно ласкать, перебирать рукой, прижимать к лицу. Северну нравились женские волосы, только если они были чисто вымыты и хорошо пахли. Он собрался дотронуться до нее, и тут же застыл от острой боли в плече. Стиснув зубы, он вспомнил уроки Гвента, научившего справляться с болью, когда в Иерусалиме Северна ранил уличный бандит. Гастингс не обернулась.

– Агнес? Хорошо, что ты пришла, посиди со мной, а я угощу тебя сладким вином, которое привез лорд Грилэм.

– Я отправил ее спать, – ответил Северн, еще злясь на женщину, посмевшую было открыть рот. Правда, в отличие от хозяйки у Агнес хватило ума промолчать.

– Зачем ты пришел? – обернулась к нему Гастингс.

– Я – твой хозяин, – отчетливо, словно разговаривая с идиоткой, произнес Северн. – Я – твой муж. Почему ты до сих пор здесь? Тут нечем дышать из-за всех этих трав. Иди в хозяйскую спальню, а если сумеешь мне угодить, если будешь послушна, тогда, может быть, я разрешу тебе пользоваться этой комнатой для работы с травами.

– Ах, – воскликнула она, – значит, милорд уже забыл, что именно травами я облегчила боль от раны? Вряд ли ты будешь настолько глуп, чтобы так скоро отвергнуть мою помощь.

Северн невольно сжал кулаки, и, заметив это, она побледнела. Да, он заставит себя бояться. Ему нужны кротость и повиновение, которых он ждал с первой минуты брака, но до сих пор так и не увидел. Отлично, придется научить ее сейчас. Тут из-под туники высунулся Трист, махнув лапкой в сторону Гастингс.

– У меня есть вино, – засмеялась та. – Он любит вино?

Проклятый зверек. Почему его угораздило рассмешить Гастингс именно в тот момент, когда Северн почти добился своего? Ладно, с Тристом он еще разберется. Он собрался засунуть куницу обратно, но передумал. Трист издавал довольное ворчание, чем-то напоминающее кошачье мурлыканье. За три месяца, со дня побега из Руана и до этой минуты, Трист еще ни разу не мурлыкал.

– Моя куница никогда не пробовала вина. Она пьет только эль. – С чего это он обсуждает привычки Триста? Северн тряхнул головой. – Я задал вопрос: почему ты здесь? Отвечай сию же минуту и не пытайся увиливать.

– Я как-то не подумала, – начала Гастингс, вид зверька, свесившегося с его туники, придал ей храбрости. – И у меня нет желания делить с тобою спальню.

– Мне нет дела до твоих желаний, – прервал ее Северн. – Иди за мной, уже поздно.

– Нет, ты уже овладел мной, значит, в этом нет больше нужды. Я не хочу снова быть изнасилованной.

– Черт побери, я тебя не насиловал! – воскликнул Северн. Плечо опять пронзила адская боль, но ему нельзя сейчас отступать. – Я же воспользовался кремом, старался тебе помочь.

– Твой крик пугает Триста. – Зверек опрокинулся на спину, заглядывая в лицо хозяину, и явно готовился удрать. – Если не хочешь вина, милорд, то разреши пожелать тебе доброй ночи. А я должна посмотреть, как сушится первоцвет.

– Для чего тебе этот первоцвет?

– Для многих целей, но лучше всего он помогает от головной боли, если накануне ты выпил слишком много эля. Кстати, тебе давно следует быть в постели. Или ты не устал? Рана еще не зажила, может начаться лихорадка.

Гастингс отвернулась к распахнутому окну, и Северн, вытащив Триста, положил на ее кровать. Ну вот, теперь он свободен.

Подскочив к жене, он развернул ее к себе лицом, не обращая внимания на боль в ране. Ему нравилось, что она бледнеет. Значит, боится, хотя бы в эти минуты. Вероятно, отец ее наказывал, а он вдвое сильнее эрла.

Тут Гастингс увидела, как потешно кувыркается Трист, и опять расхрабрилась. Зверек явно очаровал ее, и это внезапно умиротворило душу Северна. Именно в тот момент, когда он собирался урезонить строптивую жену. Ладно, ей уже недолго веселиться. Он об этом позаботится.

– Слушай меня, жена. Ты пойдешь со мною, и я стану брать тебя снова и снова, пока ты не забеременеешь. Это необходимо, хотя я не получаю удовольствия. Поэтому нечего обвинять меня в насилии, я только выполняю свой долг перед потомками. – Северн протянул руку к застежке ее платья.

– Не порти мне одежду.

– Тогда делай, как я велю! – Гастингс, к его удивлению, вдруг залилась краской. – Ты уже не девушка, нечего так краснеть. Я уже видел тебя без одежды, Гастингс. Все женщины устроены одинаково. У всех есть живот, грудь и то место, куда положено входить мужской плоти. Ты ничем не отличаешься от других, так что можешь не смущаться.

– Не кричи на меня, – еле слышно произнесла Гастингс.

– Тогда повинуйся, иначе я сорву с тебя платье и возьму прямо на этом гобелене.

– Ты не можешь, не можешь, – твердила она, не поднимая глаз, и Северн до боли сжал ей локти.

– Я могу делать все, что пожелаю. А то, что ты – наследница, не играет никакой роли. Ты станешь такой, какой мне угодно тебя видеть. Хорошо, я не буду рвать платье, меня тошнит от женских жалоб.

Северн прижал ее к висевшему гобелену, вышитому когда-то матерью и изображавшему охоту, за которой наблюдают роскошно одетые дамы. Гастингс уперлась руками ему в грудь.

– Ты не можешь, Северн, не можешь! Лучше бы ты оставил меня или валялся в бреду от лихорадки. Ты бесчувственный, как жаба.

Она смеет возмущаться? А где же милая его сердцу бледность? И что это за глупости по поводу чувств?

– Я не жаба и отлично все чувствую. Ты думаешь, я не почувствовал боли, когда в меня всадили кинжал?

– Я имела в виду другие чувства. Тебе безразлично, что чувствую я, страдаю ли от обиды, страха или гнева.

– Совсем не безразлично… иногда. У мужчины нет времени на такие пустяки. Я всякий раз замечал, как ты бледнела от страха. Мне это понравилось, да. Значит, жена питает должное уважение к мужу и господину.

– Ты и в самом деле животное? – с изумлением спросила Гастингс, хотя подобные рассуждения не были новостью. – Неужели тебе доставляет удовольствие издеваться над теми, кто слабее тебя? Радует мой страх?

Да как она смеет его допрашивать, выставлять безмозглой дикой скотиной? А ведь, если подумать, женщина, которая боится мужчины, способна что-нибудь учинить над ним. Например, добавить в эль травку, от которой узлом завяжутся кишки.

– Временами ты сама напрашиваешься на мой гнев и пугаешься.

– Отпусти меня, Северн. Я ужасно разозлилась.

– Не смей мне приказывать. Сейчас ты пожалеешь о тех гадостях, которые наговорила, – сказал он и взялся за ее юбку.

– У меня начались месячные!

– Не может быть.

– Это правда. – Гастингс замотала головой. – Тебе нельзя быть со мной.

– Милостивый Господь дал мне терпение. Твоя кровь меня не испугает.

– Если ты заставишь, если ты унизишь меня, я никогда тебя не прощу, – прошептала Гастингс.

– Ты уже обещала это прошлой ночью.

– Но сейчас это нечто большее. Такое унижение я не перенесу. Отпусти меня, Северн.

– У тебя спазмы в животе?

– О чем ты?

– Черт возьми, по-твоему, я тупица?

– По-моему, мужчины ничего об этом не знают, а если и знают, то предпочитают не сознаваться. Подобные вещи кажутся им неприятными. Да мужчинам и не надо знать о женских делах. Им это безразлично. У меня нет спазм.

– Ты не покажешься мне неприятной. Идем со мною. Впредь, когда я пожелаю тебя взять, ты должна отдаться мне по доброй воле и так, как я того захочу. – Он вдруг почувствовал, что Трист взлетел наверх и уселся у него на плече, громко вереща. – Черт побери, это уж слишком, – возмутился Северн, но не стал прогонять его и неохотно отпустил жену. – У тебя на руках останутся синяки. Есть от них какое-нибудь зелье? Хорошо. Поэтому ты и сравнила меня с жабой? Потому что я не сразу понял? И мне все равно, если ты измажешь меня кровью? Ты права. С какой стати мужчине об этом беспокоиться. Женщина так устроена и временами теряет кровь. Я уже сказал, что не считаю это неприятным. Если ты беспокоилась из-за этого, то напрасно.

– Беспокоилась… Это же просто ужасно.

– Ты не можешь судить, – бросил Северн, отворачиваясь. – Прошлой ночью ты была еще девственницей, из нас двоих именно ты обладаешь меньшими знаниями.

– Ты хочешь сказать, что имел дело с женщинами во время месячных?

– Конечно. Иногда не оставалось выбора. – Он пожал плечами и с трудом подавил невольный стон.

Боль все возрастала, готовая лишить его чувств, но Северн не поддался, хотя в таком состоянии он вряд ли смог бы взять жену. Да, придется обождать. Завтра, когда рану не будут терзать дьявольские когти боли, когда у него возникнет достаточно сильное желание, он и возьмет ее. А сегодня лучше не рисковать: можно оказаться бессильным. Северн молча повернулся и вышел.

Гастингс осталась стоять, глядя на захлопнувшуюся дверь и удивляясь этому человеку. Конечно, он без малейших сомнений унизил бы ее, если бы не Трист. Завтра надо приготовить для него порцию свинины. Куницы обычно не съедают все сразу, делая запасы. Не дай Бог, если в замке по всем углам будет валяться тухлая свинина.

Интересно, очень ли болит у Северна рана? Она надеялась, что ночью ему придется несладко.

– Гастингс, проснись, у Северна сильный жар.

Она быстро встала с кровати. Да, вчера она сама ему того пожелала, а теперь вдруг испугалась. Торопливо оглядев деревянный комод со множеством ящичков, на которых было изображение хранящихся трав, она сказала Грилэму:

– Иди вниз, пусть Маргарет вскипятит побольше воды.

Войдя через несколько минут в спальню мужа, Гастингс не удержалась от улыбки. Трист сидел на подушке, приподняв лапку, словно только что хлопал Северна по щеке. Зверек явно беспокоился, не сводил с хозяина глаз и пищал.

– Не бойся, Трист, он поправится, хотя за свои злобные выходки и не заслуживает этого, – пошутила она. Если Северн умрет, одному Богу известно, что решат Грилэм и король. Наверное, отдадут ее еще более вспыльчивому типу. Этот хотя бы молод и недурен собою. – Я бросила в кипяток горечавку и варила, считая до двухсот. Северн должен выпить отвар горячим.

Грилэм придерживал голову раненого, а Гастингс осторожно вливала жидкость. Северн весь горел под тонким покрывалом, хотя лежал почти голым.

– Теперь нужно обтереть его холодной водой, – сказала она. – Этому научила меня Ведунья, когда заболел один из оруженосцев.

– Он выжил?

– Нет, кроме лихорадки, он страдал еще от множества недугов. – Когда Грилэм хотел снять с больного покрывало, Гастингс торопливо заметила: – Это вовсе не обязательно.

– Ну и здоровый же он, – сказал через час Грилэм, покончив с обтиранием.

– Да, почти такой же большой, как и ты. Не вздумай заболеть лихорадкой, пожалей свою жену. А теперь я займусь раной. Взгляни, просто удивительно. Никогда в жизни не видела, чтобы рана заживала так быстро. – Гастингс приложила к ней горсть сушеных цветов куманики и сделала перевязку.

– Интересно, отчего у него лихорадка?

– Не знаю. Думаю, вообще никто не знает, отчего она набрасывается на одних и оставляет в покое других. Может, виной его дурное настроение. Он явился ко мне в спальню, угрожал и страшно на меня разозлился прошлым вечером. Может, он решил, что за это я прокляла его, наслав лихорадку.

– Явился к тебе? Он ни словом не обмолвился, что собирается к тебе, хотя мы до полуночи играли с ним в шахматы.

– Ох, – вырвалось у нее.

– Ты покраснела, Гастингс. Чем он тебе грозил? Был груб? Бил тебя?

– Наверное, хотел, но не смог. Только накричал на меня и ушел. Да, жар наверняка вызвала его собственная злоба.

Трист заверещал, протягивая лапку в сторону хозяина.

Жар сменился ознобом, от которого у Северна все застыло внутри. Он чувствовал тяжесть наваленных одеял, которые лишь тянули его еще глубже в ледяную бездну. Он изнемогал под этой тяжестью, но не мог и пальцем шевельнуть. Вдруг до него дошел какой-то странный звук. Оказывается, это он стучит зубами от холода. У Северна вызывали отвращение и гнусный стук, и собственная беспомощность, и дьявольский холод, но рассудок его мутился, лишая возможности бороться с ними.

Внезапно он ощутил как бы теплое дуновение. Это около него свернулся калачиком Трист, мягкий, невесомый в отличие от проклятых одеял. В голове у Северна немного прояснилось, он даже услышал ее голос. Вероятно, Гастингс наклонилась, коснулась его рукой, приподняла давившие на больное плечо одеяла. Он не хотел этих прикосновений. Не хотел, чтобы она догадалась, в какую ледяную бездну вдавливает его тяжесть одеял, какой невыносимой становится боль. Он не хотел, чтобы она видела его беспомощным.

– Он перестал метаться, – сказала Гастингс. – Хороший знак.

– Если у него опять начнется жар, я предоставлю ему утонуть в собственном поту, – ответил Грилэм. – Лучше сразиться с язычниками, чем обтирать его.

– Знаешь, есть поверье, – засмеялась она, – что, когда срываешь мандрагору, растение кричит от боли и в отместку насылает на тебя погибель.

– Я расскажу Кассии, – улыбнулся Грилэм. – Может, она поверит. В ней тоже есть колдовская жилка. Да, она непременно поверит. А теперь хватит заговаривать мне зубы. Северн мучил тебя?

– Нет, Грилэм, не мучил, но и не скрывал, что я ему неприятна. Он воспринимает меня как обузу, как часть добычи, притом явно не ту часть, которая была бы ему по сердцу. Он – воин, жестокий, неуправляемый, и видит во мне лишь вещь. Я для него значу не больше, чем, к примеру, вон та ванна в углу. Она выполняет только свое предназначение. Того же Северн ожидает и от меня. Я должна служить ему, беспрекословно исполнять его повеления, делать это, ни о чем не задумываясь. Как ты думаешь, он убьет меня, когда окончательно завладеет отцовскими землями?

Так она считает его убийцей женщин? Северн обдумывал мрачную мысль, пока в голове у него снова не помутилось.

– Не будь дурой, Гастингс. Ты устала и не способна рассуждать здраво. Он не станет тебя убивать, а вот тебе нужно бы прикусить язык, особенно когда он зол. Хотя ты в чем-то права. Вряд ли у него была возможность научиться терпению и уступчивости. Но Северн заслуживает всяческого доверия.

– Заслуживает доверия? Ну, это мы еще увидим. По крайней мере хотя бы сегодня он не будет мне приказывать.

Ее последние слова дошли до Северна. Ладно, как только он чуть-чуть оправится, она получит столько приказаний, что у нее распухнут мозги. И случится это именно сегодня. Интересно, а сейчас все еще сегодня или уже завтра?

– Я хочу дать ему горечавки с маслом, чтобы он поспал несколько часов.

Северн не желал спать весь день напролет. Он хотел обдумать услышанное. Грилэм сказал, что он заслуживает доверия. Конечно, заслуживает, а она усомнилась даже в этом. Наверное, он просто не похож на утонченного кавалера, воспетого менестрелями. Но мужчина, воин должен править твердой рукой. В том числе и ею. Черт возьми, она могла бы ему доверять. Убить? Может, он и пожелает ее отлупить, но убить…

Северн хотел высказать ей это, однако не было сил даже открыть глаза или дать знак, что он слышит ее разговор с Грилэмом. А ведь Грилэм ей не муж. Хоть бы он сказал ей, что Северн вовсе не такой бесчувственный, как жаба.

И еще что-то. Ах да, он хотел сказать, что выздоровеет и без ее проклятых снадобий. Нечего ей хвастать своим великодушием. Но к его губам уже прижали кубок, сильные пальцы заставляют открыть рот, у него нет сил сопротивляться.

Когда Северн уснул, Грилэм позвал его слугу Гвента, настоящего гиганта. Несмотря на грубость речи и огромные руки, великан обращался с хозяином и Тристом на редкость осторожно. И, что больше всего радовало Гастингс, зверек его любил. Она немного успокоилась.

– Я принесу тебе эля и хлеба, Гвент. И чего-нибудь для Триста.

– Их маленькое лордство любит вареные яйца, но чтобы желток был еще мягким. Однажды яйца сварили вкрутую, и он выплюнул желток в меня. Думаю, вам следует об этом знать. Он, конечно, избалован, но не очень, зато развлекает и успокаивает хозяина.

– Ты давно служишь лорду Северну, Гвент? – спросила Гастингс, отметив, что титул «маленькое лордство» весьма к месту.

– С тех пор, как ему исполнилось семнадцать и он попал в Святую Землю. Он вызволил меня из сарацинской тюрьмы, а мой прежний хозяин погиб. В тот же день я и поклялся ему служить. Да, с хозяином не соскучишься.

«Еще бы Гвенту соскучиться», – думал Северн, чувствуя, что мысли рассыпаются, словно песок, совсем как тогда в ужасных подземельях Руана. Почему она расспрашивает Гвента? Нужно позаботиться, чтобы она держала свое женское любопытство при себе. Северн хотел

было сказать, что Гвент не даст ее в обиду, но почему он вообще должен ей что-то говорить? Лучше оставаться немым. Он глубоко вздохнул, снова погружаясь в тьму беспамятства.

Гастингс ужасно хотелось продолжить расспросы, только ей надо еще присмотреть за слугами, поговорить с Макдиром, коренастым шотландцем, великим мастером по части жареных каплунов, обладавшим знаниями о травах и специях, намного превосходившими ее собственные.

Пощупав уже холодный лоб мужа, Гастингс решилась оставить его на Гвента. Наконец-то он спокойно заснул. Значит, будет жить.

Глава 6

– Тебе пора уезжать, твои люди уже беспокоятся, – произнес Северн.

– Уеду завтра, если станет ясно, что лихорадка больше не возобновится. Гастингс в этом уверена, но ведь она может ошибаться. А в Лондоне я обязан доложить Эдуарду, что все сделано как надо.

– Будем надеяться, что Ричард де Лючи убрался отсюда.

– Малый, которого ты отпустил, расскажет ему, что наследницу Оксборо выдали замуж и лишили невинности, – ответил Грилэм, полируя железную рукавицу. – Де Лючи здесь больше нечем поживиться, но этот жалкий трус может подослать к тебе убийц. Говорят, от жадности он даже не побрезговал выковырнуть самоцветы из рукояти отцовского меча прежде, чем положить его в могилу. Норберт рассказывает, что злодей отравил жену, но она умерла недостаточно быстро, поэтому он не сумел напасть на Оксборо до того, как ты женился на Гастингс. А еще Норберт говорит, что де Лючи с радостью бы ускорил смерть жены, да помешал священник, который не отходил от ее постели.

– Ему наверняка уготовано место в аду, Грилэм, и я помогу ему туда отправиться, как только наберусь сил. Представляешь, Гастингс сварила Тристу яйцо так, что желток только-только начал сворачиваться.

– Откуда ты знаешь?

– Трист притащил яйцо, чтобы показать мне. Она даже разбила скорлупу, чтобы ему легче было добраться до содержимого. Он слопал яйцо прямо у меня на груди. А чтобы я не обжегся, он дал ему немного остыть.

Грилэм еще хохотал, когда вошла Гастингс с подносом в руках. Северн видел, как она весело улыбается Грилэму и как тускнеет эта улыбка, пока Гастингс идет к кровати мужа. Ну и что, ему нет дела до того, улыбается она или нет, пусть только исполняет свою роль, ту, которую он сам подберет для нее, когда встанет на ноги.

Она молча опустила поднос на кровать и осторожно пощупала его лоб. Северн крепко схватил ее за руку.

– У меня нет жара.

– Я вижу, – подтвердила она, моментально отдалившись, хотя не двинулась с места.

– Черт возьми, перестань обращаться со мной, как с младенцем, у которого не хватает ума тебя раскусить.

– Я принесла тебе еду. Повара в Оксборо зовут Макдир. Он испек этот ячменный хлеб специально для тебя. Можешь его съесть, если понравится. Если нет, можешь швырнуть его на пол. Милорд Грилэм, с вами хотел бы поговорить Норберт.

Грилэм вопросительно глядел то на Северна, то на Гастингс. Эту доверчивую девочку он знал многие годы: веселая, сердечная, вечно поющая, редко чего боявшаяся, поскольку отец не обращал на нее внимания. Попадало ей лишь тогда, когда он выходил из себя. Возможно, если бы Фоук почаще наказывал ее или даже пригрозил убить, как убил жену, она бы иначе отнеслась к Северну. Она бы его опасалась. А теперь вот надулась, закаменела, словно оникс на рукоятке меча. Глядя на нее, подумаешь, что и ураган не сможет поколебать ее, а тем более человек, который стал ей мужем.

И все же Грилэм не хотел бы видеть ее иной. Он лишь молился о том, чтобы Северн не причинял девочке зла. Может, стоит ему намекнуть, поговорить наедине, объяснить, что поднять на нее руку – значит убить ее. Кто же тогда станет заботиться о его удобствах, рожать ему детей?

Идя на встречу со своим оруженосцем, он гадал, что же Северн мог сделать жене. Гастингс дрожала, словно ее продуло холодным ветром с Северного моря. Но она ни секунды не колебалась, спасая мужа от убийцы, а потом ухаживала за ним.

Вряд ли Грилэм вообще сумеет когда-либо понять женщину. Да и зачем, раз Кассия обожает его, прощает дурные выходки, не отвергает его, когда он бывает раздражен или утомлен и побит во время упражнений на ристалище. Ха, ей, пожалуй, надо встать на стул, чтобы высказать мужу в лицо свои упреки. Грилэм понял, что глупо улыбается, представляя, как жена целует его, а он держит на руках их ребенка и Кассия любовно воркует над ними обоими.

Услышав сообщение Норберта, он сначала не поверил своим ушам. Задумчиво потирая руки, Грилэм решил сам во всем разобраться. Да, это будет его последним делом в Оксборо, и он с удовольствием займется им. Такое, пожалуй, можно считать не выполнением дружеского долга, а развлечением, от которого просыпался боевой дух.

Вскоре Гастингс увидела, как Грилэм выезжает из замка в сопровождении Норберта и еще десятка своих людей. В спальню он не возвращался, значит, Северн не знает, что он уехал.

Подкрепляясь мягким козьим сыром и теплым хлебом, который Макдир недавно вынул из печи, прихлебывая молоко, она глядела на женщин, скоблящих длинные столы. Конечно, ей придется заглянуть к Северну, чтобы убедиться, справился ли он с лихорадкой. Но сейчас он должен еще спать, поэтому есть время наведаться в цветник.

Первым делом Гастингс занялась кентерберийскими колокольчиками и люпином, которые цвели особенно пышно. Один розовый люпин дотянулся до грядки иссопа. Сидя на корточках, Гастингс задумалась. Впрочем, о чем тут размышлять? Она решительно вырвала длинный стебель и отшвырнула в сторону. Ей не обойтись без иссопа и чабреца, росшего поблизости, а все растения одинаково нуждаются в солнце и воздухе.

За работой она по привычке напевала и чувствовала, как успокаивается. Гастингс набрала дюжину отличных ягод земляники, чтобы добавить их в свою пасту, от которой зубы становятся особенно белыми.

Уже миновал полдень, когда в Оксборо вернулся Грилэм. Для него специально подняли решетку, которую теперь постоянно держали опущенной со дня покушения. Собаки, козы, цыплята, свиньи, разгуливавшие по двору замка, с шумом и гамом уворачивались от копыт боевых коней. В сторонке, глазея на воинов, стояли дети всех возрастов.

На выщербленных ступенях, ведущих в главный зал, Грилэма встретил сам хозяин. Одетый, как всегда, в серое, грозный и ужасно злой, хотя выглядел совершенно здоровым. А ведь когда Грилэм уезжал, он крепко спал, и Гастингс не собиралась разрешать ему подниматься. Но вряд ли тот, приняв решение, будет кого-то слушать.

Грилэма не обманула внешняя неподвижность Северна – это его обычная манера встречать врагов. Да, Северн явно решил устроить бой по всем правилам, не замечая, что за спиной у него стоит жена. Грилэм улыбнулся девушке.

– Ты уехал, ничего мне не сказав, – вкрадчиво произнес Северн, – оставил меня валяться в кровати, насильно одурманенного сонным зельем. Не знаю, что ты делал, но вряд ли мне это понравится. Ты поступил нечестно, Грилэм.

– Идем, я пролью бальзам на твои раны, – воскликнул тот, хлопнув его по здоровому плечу. – Гастингс, нельзя ли подать моим людям эля? И, если тебя не затруднит, осмотри раненых.

– Осмотри людей лорда Грилэма, – приказал Северн. – А мы с ним выпьем аквитанского вина, если после тебя и госпожи Агнес там что-то осталось.

– Не обижай Грилэма, – заявила она.

– Видал, Северн, у меня есть покровительница. Не вздумай меня обидеть.

– Ступай, госпожа, – снова приказал Северн жене и отвернулся.

Гастингс очень надеялась, что плечо у него болит достаточно сильно.

– Держи меч в ножнах, Северн, иначе я позову на помощь твою жену. Ладно, не рычи. Это превосходное вино я сам привез тебе. Отец Кассии владеет виноградниками в Аквитании.

– Грилэм, что бы ты ни сделал, это меня не обрадует. Но я готов слушать.

– Малый, которого ты отослал к Ричарду де Лючи, был ужасно тебе благодарен, что ты не стал его пытать…

– Не стал пытать? Боже милосердный, да ведь Гастингс заставила его вывернуться наизнанку. Он чуть не лишился рассудка и хотел умереть.

– А потом ему стало легче, и с телом ничего не случилось. Ни переломанных костей, ни содранной кожи. Как я уже говорил, он тебе благодарен. Он думал, что ты убьешь его, но ты его пощадил и отправил к хозяину. Убить малого решил сам Ричард де Лючи, однако тот, его зовут Осберт, ухитрился выжить и, набравшись сил, пришел сюда. Узнав, что ты еще болен, Осберт обратился ко мне. Короче, Северн, я сделал для тебя что смог. Теперь у тебя одним врагом меньше.

– Нет, Грилэм, ты не должен был… Скажи, что ты не прикончил ублюдка. Но ты убил его, да? Ты осмелился поднять руку на моего врага. Он же был не твоим врагом, а моим, однако ты дерзнул его убить. И ничего мне не сказал. Ничего, Грилэм, мерзавец ты этакий.

Гастингс услышала смех Грилэма, увидела гневное лицо мужа, хотя его голос оставался вкрадчивым, а сам он – неподвижным. Отец, находясь в ярости, всегда поднимал крик. Всегда. И домочадцы успевали скрыться прежде, чем он пустит в ход кулаки. Но Северн не такой.

О случившемся Гастингс узнала от Норберта. Неужели мужчины рождены, чтобы убивать, калечить и уничтожать? Впрочем, уничтожить Ричарда де Лючи – благое дело. Гастингс подошла ближе.

– Он мертв, его владения без хозяина, но, как я уже сказал, осталась дочь, его наследница. Сыновей у него не было.

– Ты ранен, – заметил Северн, глядя на перевязанную руку Грилэма.

– Пустяки. Наверное, Гастингс уже осмотрела моих людей. Я никого не потерял, но четверо ранены. – Грилэм допил вино, утер губы и улыбнулся. – Ну и здорово же все получилось. Благодаря Осберту мы застали ублюдка врасплох, они как раз обедали, их оказалось не больше двадцати. Даже хорошо, что я ранен. Мужчинам кровопускание только на пользу, оно прочищает мозги и помогает забыть о неприятностях.

Северн, все такой же спокойный и неторопливый, ухватился за край стола и швырнул его в стоявшую поблизости серебряную вазу, которая опрокинулась, облив ароматической водой дремавшего рядом волкодава по кличке Эдгар. Тот мгновенно вскочил, ощетинился и зарычал, готовый вцепиться в неведомого врага.

– Хватит, Северн. – Гастингс наклонилась к опрокинутой вазе, ее чудесные волосы рассыпались по плечам, она глядела на мужа, прижимая вазу к груди. – Ты испортил серебро. Эта ваза принадлежала моей бабушке, я очень ее любила, полировала, так ее…

Северн выругался и закричал, что Грилэм наблюдал впервые:

– Закрой рот, Гастингс, и не суйся, куда не надо. Подай меч! Я расправлюсь с этим трусливым негодяем, которого почитал своим другом.

Ему вторило рычание волкодава, слуги и воины толпились у стен, гадая, что сейчас произойдет и что им делать.

– Почему? – возмутилась Гастингс. – Только потому, что он посмел действовать, не спросив у тебя разрешения? Потому, что иначе ты бы сам кинулся в драку, а потом опять свалился в лихорадке? Скажи, милорд, отчего ты так разъярился? Или у тебя нет разума и ты не способен рассуждать?

Северн набросился на жену, схватил за локти и затряс изо всех сил:

– Прикуси язык, не то я возьму тебя прямо здесь, на этом столе, и твой волкодав увидит твою кровь, услышит твой вой!

Гастингс побелела.

– Отпусти ее, Северн. – Рука Грилэма легла на его раненое плечо и безжалостно нажала. – Отпусти. Чего ты хочешь? Опозорить жену на глазах ее людей? Избить до крови? Этого ты хочешь?

Пока Северн тряс жену, дала о себе знать дикая боль в ране, да и у Грилэма была железная хватка. Он медленно опустил Гастингс на посыпанный свежей соломой каменный пол.

Когда она взглянула на него, ее глаза казались от ярости почти черными. Она изо всей силы ударила его ногой по голени. Северн охнул и отскочил, прижимая руку к ушибленному месту.

– Вы заплатите за это, мадам, – процедил он сквозь зубы.

Она понимала, что так и будет, но еще не знала его настолько, чтобы представить способ расплаты. Гастингс повернулась и выбежала из зала.

– Северн, немедленно сядь, зажмурься покрепче и хорошенько подумай о своем плече и голени. Она могла бы ударить тебя в пах, однако не ударила. Пожалела.

– Она не ударила меня, потому что за это я убил бы ее на месте. К тому же я достаточно ловок и смог бы увернуться.

– Возможно, но и Гастингс обладает завидной ловкостью, – со вздохом сказал Грилэм. – Ты все равно не стал бы ее убивать. Я вообще сомневаюсь, что ты когда-нибудь поднимешь на нее руку, верно?

Северн запустил пальцы в волосы. Ах как он устал. Черт бы ее побрал, у него тоже имеются чувства. Он не жаба.

– Она должна поверить, что я способен разрубить ее на куски. Временами она начинает верить. И при этом с каждым днем становится более упрямой и наглой. А ведь прошло всего два дня. Что же будет через две недели?

– Ты уже качаешься, присядь-ка и выпей вина. Оно успокоит твой гнев. Интересно, когда мне случалось болеть лихорадкой, я тоже легко впадал в ярость? – Грилэм задумался. – Да, наверное. А ведь это было всего три года назад. Моя дорогая жена покинула меня, я вел себя, как последний ублюдок.

– Кассия от тебя ушла? Не верю.

Наконец-то Грилэму удалось отвлечь его внимание. Теперь самое время прочитать небольшую мораль. Северн уставился на него так, словно обнаружил у себя в тарелке улитку.

– Я не лгу. Мне пришлось отправиться к ее отцу в Британию, чтобы вернуть домой.

– Ты отлупил ее?

– Нет, – улыбнулся Грилэм, – я умолял о прощении. Если бы я хоть раз поднял на нее руку, это наверняка убило бы ее. Да ты и сам знаешь, что женщин бить нельзя. Они такие маленькие, нежные, беспомощные.

– Да полно тебе, Грилэм. Я не собираюсь бить женщин и никогда их не бил. Все беспрекословно подчинялись мне. Но теперь я обзавелся женой, не оправдавшей моих ожиданий. Ей самим Господом велено слушаться мужа, а она нарушает Божью волю. Надо ли подчинить ее? Несомненно. Только вот каким способом, я до сих пор не решил. Что теперь прикажешь делать, ведь ты подверг сомнению мое мужество и сам расправился с де Лючи?

– Ты отправишь в замок Седжвик отряд воинов, а старшим назначишь сэра Алана. Он храбрый рыцарь, добрый малый и, самое главное, заслуживает доверия. Пусть он управляет замком, пока король вынесет решение по поводу дочери де Лючи и его владений. Я бы также советовал тебе присмотреть за девочкой и перевезти ее сюда. Гастингс о ней позаботится. Думаю, королю Эдуарду будет угодно назначить тебя ее опекуном, чтобы обезопасить от посягательств алчных негодяев, как ранее он предложил тебе жениться на Гастингс. Хотя, с другой стороны, король сам может стать ее опекуном, и тогда пришлет в Седжвик нужного человека.

– Ну да, все зависит от того, как велико наследство. Король не такой уж дурак. Скажи, ты сам прикончил Ричарда де Лючи?

– Честно говоря, он поскользнулся на груде кроличьих костей, размозжил себе голову о скалу, на которой отдыхал, и умер на месте. Мы оставили кое-кого из его людей в живых, чтобы они позаботились о нем.

– Я бы не дал ему поскользнуться на костях, заставил бы его биться, меч на меч, и выпустил бы из него потроха.

– Думаю, – с улыбкой возразил Грилэм, – такое со всяким может случиться, а нам следует умерить свое тщеславие и радоваться, что остались живы и можем рассказывать небылицы о мертвых врагах. Ведь Ричард де Лючи скорее окажется в аду, умерщвленный с помощью кроличьей кости да камня, нежели в честном поединке с равным себе.

Против этого возразить было нечего, и Северн улыбнулся. Затем рассмеялся, поставил на место опрокинутый стол, заметив, как облегченно зашумели слуги. Волкодав Эдгар опять задремал возле очага, опустив массивную голову на огромные скрещенные лапы. А вот серебряная ваза осталась погнутой. Северн озабоченно нахмурился. Она говорила, что ваза досталась ей от бабушки. Надо сказать оружейникам, пусть исправят вмятины, если сумеют.

Голень болела до сих пор, и все же он смеялся, победив холод и гнев.

– Ведь ты солгал мне, да? – спросил Грилэм. – Ты же не собирался насиловать ее здесь? И бить до крови?

– Нет, – резко бросил Северн. – Я только пригрозил, надеялся хоть как-то ее образумить. А бить ее мне ни к чему. Она сама кровоточит. У нее месячные.

– Ага, значит, ты пригрозил, она образумилась. Я все гадал, отчего она так быстро сбежала. Голень не очень болит?

Глава 7

– Как тебя зовут? – Гастингс присела на корточки перед ребенком.

Девочка молчала. Бледное личико казалось белее полотна, огромные голубые глаза расширились от страха.

– Меня зовут Гастингс. А тебя?

– Элиза, – прошептала девочка, пушистые ресницы затрепетали, но она так и не осмелилась поднять глаза.

– Красивое имя, намного красивее моего. Хотя Гастингс тоже хорошее имя, его носят все старшие девочки нашего рода в честь великой победы лорда Вильгельма.

– Я знаю, мама рассказывала, что Господь ниспослал лорда Вильгельма, чтобы просветить диких саксов.

Гастингс впервые слышала столь необычное мнение о предназначении Вильгельма. У нее затекли ноги. Она выпрямилась и протянула девочке руку:

– Хочешь выпить молока? Наша коза Джильберта щедро дарит его, а еще можешь попробовать миндальные булочки, которые печет Макдир, очень вкусные.

Щуплая малышка подняла на Гастингс огромные глаза и медленно покачала головой, при этом жиденькие косички странным образом были неподвижными.

– Мама говорила, что чревоугодие – ужасный грех.

«Господи, да что же это такое!» – изумилась Гастингс.

– Я дам тебе одну булочку. Нет, лучше маленький кусочек булочки, хорошо?

– Я не могу спросить у мамы, – ответила Элиза, беспокойно теребя уродливое зеленое платьице, из которого давно выросла. – Моя мама теперь на небесах.

– Я знаю, и мне ее очень жаль. Но из-за одной булочки она не сочла бы тебя чревоугодницей.

– Нет, твоя мама обязательно назвала бы это чревоугодием, Элиза.

Гастингс обернулась к старухе в ужасном черном платье, с гладко зачесанными черными волосами, собранными в узел на затылке. Чопорная физиономия с усиками над верхней губой, ледяное выражение.

– С кем имею честь? – приподняв бровь, надменно осведомилась Гастингс.

Этому приему научила ее когда-то мать, и он неизменно производил должный эффект. Старуха замялась, потом буркнула:

– Меня зовут Бил, миледи. Я – нянька Элизы, а раньше нянчила леди Джоан.

– Тогда вам следует разыскать госпожу Агнес. Она покажет вам комнату, отведенную для Элизы. Комната, правда, маленькая, но ведь и девочка невелика. Что же касается вас, Бил, то вы будете спать в помещении для прислуги. – Гастингс милостиво кивнула ей и обратилась к Элизе: – Давай поглядим на булочки Макдира.

Услышав недовольное ворчание, она остановилась, но у старухи все же хватило ума прикусить язык.

Северн, появившийся в зале через несколько минут, застал Гастингс за большим столом. Девочка сидела рядом, уставившись на нетронутую булочку. Хотя ее рука сама тянулась к еде, Элиза пересиливала голод. Северн нахмурился, заметив, какая она тощая и бледная. Всякий нормальный ребенок тут же набил бы себе рот булочками.

Он оставил в Седжвике сэра Алана и дюжину воинов из Оксборо. Нет, теперь это его воины. Они принесли ему клятву верности в день его свадьбы с Гастингс. То есть три дня назад. Он приказал отвезти девочку в Оксборо.

– Дай ей поесть, Гастингс, – сказал он, шагнув к столу.

Элиза подскочила на месте, худенькие руки сжались в кулачки, она медленно, словно надеясь, что тогда Северн ее не заметит, соскользнула под стол.

– Элиза, что ты делаешь?

Они не услышали ни звука.

– Это более чем странно, – хмуро произнесла Гастингс. – Поначалу она так же боялась и меня, но хоть под стол не пряталась. Может, ты кричал на нее, когда был в Седжвике?

– Конечно, нет. Да и не было нужды. Все очень обрадовались, когда поняли, что я не собираюсь устраивать резню. К тому же я не люблю пугать женщин и детей.

– Ну, тогда нельзя кричать и на меня, чтобы не испугать Элизу. – Гастингс отодвинула скамью, встала на колени и заглянула под стол. Девочка заползла в самый дальний угол, сжавшись там в маленький комочек. – Все в порядке, Элиза, выходи. Северн очень большой, но очень хороший. Он тебя не обидит.

Девочка только еще более сжалась.

Гастингс покосилась на мужа, проявлявшего растерянность и нетерпение. Тут из-под туники появился Трист, вскочил на стол, понюхал булочки и отвернулся.

– Он не любит сладкие булочки, – объяснил Северн.

– Элиза, хочешь познакомиться с Тристом? Это куница.

– Что такое куница? – Элиза подняла голову.

– Такой зверек, длинный, ловкий, очень пушистый. Он любит яйца, сваренные в мешочек, чтобы желток был мягким.

Медленно, дюйм за дюймом, девочка выползла из-под стола. Северн решил сесть, чтобы казаться менее страшным, и принялся за миндальную булочку. Трист лежал возле его руки, опустив головку на лапы.

– Это Трист, он живет с Северном. Правда, красавец?

Девочка разглядывала зверька, а тот, словно догадавшись об этом, лениво приоткрыл один глаз и взглянул на Элизу.

– Он ест миндальные булочки?

– Нет, – ответил Северн, – но он с удовольствием поглядит, как ты съешь хотя бы одну. Он сейчас рассказал мне, что ты сегодня не хотела завтракать.

Девочка испуганно заморгала и уткнулась в колени Гастингс, которая осторожно положила руку ей на плечо.

– Это лорд Северн, мой муж и хозяин Оксборо. Он будет тебя защищать. Не надо его бояться.

– А папа меня бил.

– Северн – не твой папа, он приглядит за тем, чтобы тебя никто больше не бил, клянусь! Если хочешь, Северн тоже поклянется, как только прожует булочку.

– Да, клянусь тебе, Элиза. Ты останешься в Оксборо, пока король Эдуард не решит, где ты будешь жить. Моя леди будет о тебе заботиться.

– Она слишком молодая, – пробормотала девочка, не сводя глаз с Триста. – Бил говорит, что поэтому она не может ничего знать о детях. – Трист потянулся, снова взглянул на Элизу, и она прошептала: – Бил он не понравится. Бил вообще не любит таких, как он.

– Бил не знает, что говорит, – возразила Гастингс. – Недавно я сама была такой же маленькой, как и ты, а Бил давно забыла, когда была девочкой.

– Уж не та ли это старуха с кислой физиономией и прилизанными волосами? – поинтересовался Северн.

– Да, – коротко ответила Гастингс. – Ну, Элиза, попробуй.

Но та опять замкнулась, и даже Трист при всем его обаянии не смог бы ее задобрить. Гастингс интуитивно чувствовала это, хотя внешне девочка не изменилась.

– Не могу. Бил права, мама увидит меня с небес и проклянет.

– Ну а что бы ты хотела съесть? – спросила Гастингс, решив уступить. – Ведь твоя мама наверняка не хочет, чтобы ты умерла от голода.

– Хлеб и воду. Бил говорит, что я могу есть только это.

– Почему?

– Потому что я нехорошая, – прошептала девочка, опустив голову и ковыряя ногой солому на полу.

Гастингс взглянула на Северна. Заметив, что он собирается что-то сказать, она покачала головой и улыбнулась Элизе.

– Тогда я велю Алисе подать тебе хлеба. Но молоко лучше воды, особенно молоко козы Джильберты. Когда пьешь молоко, душа наполняется добродетелью. Об этом говорил сам отец Каррег.

Трист запищал и протянул к девочке переднюю лапку.

– Ты была права, – испуганно сказала девочка. – Трист очень красивый. Мама говорила, что быть красивым грешно.

– Трист вовсе не красивый, он уродливый бездельник. – Северн встал. Зверек поглядел на него, еще раз потянулся и, грациозно вскочив на его руку, забрался на плечо, обвив шею хозяина пышным хвостом. – Понятия не имею, что учинили над этим ребенком, но, без сомнения, Ричард де Лючи был отъявленной скотиной. Тебе придется исправлять это, Гастингс. – Кивнув, он вышел из зала.

– Ах, смотри, Алиса несет твой хлеб. Ты с ней подружишься.

Алиса питала слабость к воинам, а ведь для того, чтобы заставить их улыбаться и даже хохотать, нужно большое умение.

Гастингс ждала, пока Элиза съест ломтик испеченного Макдиром хлеба, щедро намазанного маслом и медом. Ей хотелось побыстрее отправиться в цветник, но она заметила Бил, стоявшую в темном углу на лестнице. Ну уж нет, она не оставит девочку на растерзание ужасному существу.

– Идем, Элиза, лорд Грилэм собирается уезжать. Я хочу с ним попрощаться.

Малышка нерешительно протянула ей руку.

Взглянув на девочку, Грилэм снял железную рукавицу и похлопал ее по щеке:

– Будь умницей. Гастингс о тебе позаботится, а когда подрастешь, может, приедешь ко мне в гости, в Корнуолл.

Гастингс с улыбкой наблюдала за ними, она заметила, что Элиза буквально остолбенела, не сводя испуганных глаз со склонившегося над нею рыцаря. Видимо, и тот обратил на это внимание. Он вздохнул, улыбнулся, опять похлопал девочку и шепнул Гастингс:

– Отец ее совсем забил. А мать, судя по всему, считала ее дьявольским отродьем, чем она в какой-то степени и является, хотя не по своей вине. Слуги рассказывали, что леди Джоан часами заставляла ее молиться. Обитатели Седжвика радуются смерти хозяина, хотя леди Джоан тоже никто не оплакивает. Говорят, муж отравил ее, чтобы похитить тебя и сделать женой. Но все это в прошлом. Вряд ли у сэра Алана будут проблемы со слугами или воинами. Северн, наверное, уже сказал тебе, что, когда люди узнали, кто будет ими править, в толпе раздались приветственные крики. Ричард де Лючи был отъявленным мерзавцем.

– Я хотел отыскать его могилу, – вмешался подошедший Северн, – но люди не смогли ее показать.

– Очень странно, – заметила Гастингс. – Если в Седжвике его не любили, то с какой стати им скрывать?

Северн кивнул, глядя на тощего заморыша. Когда девочка вырастет, то станет наследницей и выйдет замуж за того, кто захочет получить ее владения. Она совсем не будет похожа на Гастингс. От этой мысли Северн помрачнел.

– Ты дашь мне знать о решении короля по поводу ребенка?

Грилэм кивнул. Обнимая Гастингс, он снова шепнул:

– Терпение, он еще молод, помоги ему стать тем, кем он должен стать.

– Кем же, милорд?

– Мужчиной, который обожает свою жену, который, глядя на нее, ощущает мир, любовь и желание.

– Ты говоришь о себе, Грилэм. – Она хотела засмеяться, но не сумела. – Только я не Кассия, да и Северн не похож на тебя.

– А я вижу сходство. Иногда старайся придержать язык, пусть от неожиданности он хоть ненадолго утратит бдительность. Впрочем, острые женские язычки по большей части приносят мужчинам пользу, заставляют их сохранять хорошую форму.

На сей раз Гастингс засмеялась и обняла его. Ей не хотелось с ним расставаться, она любила Грилэма, а их разлука могла продлиться годы.

– Да поможет тебе Господь.

– Господь и мой верный Норберт.

Держа за руку Элизу, Гастингс смотрела ему вслед. Северн поехал его провожать.

– Ей пора молиться.

Гастингс медленно обернулась и увидела Бил.

– Что вы сказали?

– Элизе пора молиться. Прежде чем отведать вечерний хлеб, она должна провести в молитвах не один час. Это воля ее матери. Идем, Элиза.

Девочка переминалась с ноги на ногу, и Гастингс мигом догадалась, в чем дело.

– Сначала ребенку нужно сходить в отхожее место.

Там она и обнаружила, что колени у Элизы покрыты язвами.

– Не дергайся, это не больно. – Гастингс осторожно приложила к язвам распаренные цветы куманики.

Давно не испытывала она такой злости. Ну, может, испытывала, но ведь злость на Северна была совсем иного рода. Ей хотелось кого-нибудь побить, особенно мамашу девочки. Разве нормальная мать учинит такое над собственным детищем? Да, Северн прав, леди Джоан вообразила, что ее дочь является дьявольским отродьем.

Элиза молча терпела, пока Гастингс перевязывала ей ноги мягкой шерстяной тряпкой.

– Тебе долго нельзя вставать на колени, старайся вообще их не тревожить.

– Но я должна молиться. Мама сказала, что если я не буду каждый день умерщвлять свою плоть, то попаду в ад.

– А что сказала мама, когда увидала твои колени?

– Она не знала. Она сильно хотела, чтобы я молилась.

– Значит, должна была заметить Бил, когда помогала тебе одеваться и купаться.

– Бил сказала, что Бог карает меня за черные язвы в моем сердце, черные язвы от моего отца.

Гастингс услышала, как отворилась дверь и вошла Бил.

– Ребенку пора молиться, миледи.

– Не думаю, – отчеканила Гастингс. – Я видела язвы, их нужно лечить, и они заживут, но девочке нельзя стоять на коленях.

– Вас никто об этом не просил, миледи. Я – няня ребенка, именно я должна заботиться о спасении ее души после смерти леди Джоан, отравленной этим дьяволом. Элиза унаследовала его кровь и пороки, она должна очиститься.

Гастингс вопросительно посмотрела на девочку.

– Я пойду с тобой, Бил. Не хочу, чтобы мама страдала за мои грехи.

– Твоя мама на небесах и уже не страдает, – возразила Гастингс, обернувшись к Бил, которая глядела на крошку так, словно хотела убить ее. – Нет, Элиза, ты останешься со мной.

Я научу тебя разбираться в травах, как пользоваться ими на благо людям. Бил, неужели тебе не приходило в голову, что она – дочь и леди Джоан, что она могла унаследовать добродетели матери, а не пороки отца, а значит, не нуждается в самобичевании?

– Нет, она похожа только на него – и глазами, и языком, полным лжи. Она должна каяться всю жизнь, иначе станет такой же бессовестной и умрет, никем не оплаканная.

Так вот в чем дело. Сжав кулаки, Гастингс отрезала:

– По-моему, вам больше нельзя доверять воспитание Элизы. Я позабочусь о том, чтобы вас отправили назад в Седжвик.

– Нет, леди. Ваш хозяин сказал, что за девочкой буду присматривать я, и он не позволит вам самовольничать. Всем известно, что он женился не по своей воле, у него просто не было выбора. Он меня защитит.

Неужели Северн отдаст девочку этой гнусной женщине? Придется его отговорить.

– Вы уедете завтра же, Бил. Мне отвратительно ваше присутствие. Господу не угодно, чтобы истязали маленьких детей.

– Господу было угодно, чтобы моя дорогая леди скончалась в ужасных муках. Господу было угодно, чтобы она принадлежала мужу, который ее умертвил!

– Довольно! – Гастингс повернулась к Элизе. – Ты сейчас пойдешь с госпожой Агнес. Она покажет тебе мои цветы, ты познакомишься с козой Джильбертой, поможешь кормить во дворе цыплят, увидишь оружейную и Жиля. Он сделает тебе лук и стрелы, а я научу стрелять.

Госпожа Агнес взяла Элизу за руку и повела из комнаты. Растерянная девочка беспомощно глядела на Бил, которая угрожающе шипела им вслед:

– Посмей только заняться этими богопротивными делами, будешь гореть в адском пламени, Элиза. Твоя мама все увидит, Господь покарает тебя, потому что слушать он будет твою маму. Он будет слушать меня. Он всегда слушает только меня.

Дождавшись, пока стихли шаги ушедших, Гастингс влепила старухе такую затрещину, что у той чуть не отвалилась голова, и вцепилась обеими руками в тощую жилистую шею.

– Слушай меня, Бил, ты, гнусная тварь, больше не посмеешь дурить голову Элизе. Сию же минуту собирай вещи, и чтоб утром тебя здесь уже не было.

– Твой лорд этого не допустит, – задыхаясь и трясясь от ярости, прохрипела Бил. – Ты дорого заплатишь, леди. Все мужчины одинаковы. Стоит ему услышать про тебя что-то плохое, он обязательно поверит и изобьет тебя. Это же видно по его лицу. Он вспыльчивый и жестокий, хотя и молодой. А с годами станет еще более злым. Ты поймешь, что не имеешь над ним власти и напрасно дерзнула так обойтись со мной. Ты молода и глупа. Ты умрешь молодой и глупой.

– Полагаю, тебе хочется увидеть мою смерть?

– Господь дарует нам путь к спасению, и я увижу, как тебе воздастся по заслугам.

Гастингс собралась влепить ей новую оплеуху, но передумала. Бил оказалась первым человеком, которого она ударила. Впрочем, нет, она отлупила еще Тима, сына кузнеца. Ей тогда было десять лет, росла она на удивление быстро, а мальчишка назвал ее верзилой.

– Убирайся прочь, Бил, пока меня не стошнило, и до отъезда не попадайся мне на глаза. Я непременно об этом позабочусь.

Воздух в спальне еще долго казался ей душным от ядовитой ненависти Бил. Гастингс сложила в ящик цветы куманики, затем, напевая, принялась растирать иссоп и чабрец. Постепенно она успокоилась, а воздух в комнате как будто очистился.

Вошедший Северн застал ее за работой. Он выглядел здоровым, лицо слегка загорело. Как обычно, он был в сером. Гастингс впервые увидела в нем мужчину – привлекательного, в расцвете жизненных сил, с мощным телом. Приятно любоваться этим телом. А какой животный страх охватил ее, когда она увидала его в первый раз, огромного, загадочного, не столько человека даже, сколько подручного дьявола.

Гастингс улыбнулась мужу.

Он замер на пороге, уставившись на нее, как на незнакомку, покосился на кучки сушеных трав и помрачнел.

Ее улыбка исчезла. Нет, бесполезно искать в нем сходство с Грилэмом, а в ней – с Кассией. Она только Гастингс, и это явно было не по вкусу Северну.

– Как твоя рана?

– Немного беспокоит, но заживает хорошо. Гастингс, в чем дело? На меня набросилась эта постная Бил с черными усищами и сказала, что ты вмешиваешься в религиозное воспитание ребенка. Якобы ей одной дано право заботиться об Элизе, мамаша оставила девочку на ее попечение.

– Я бы посоветовала тебе взглянуть на колени этой девочки, Северн. Они в язвах от бесконечного стояния на каменном полу во время молитв. Ты прав, я вмешалась и отдала ее госпоже Агнес, которая научит Элизу вести хозяйство, играть, а может, и смеяться, хотя бы иногда. Бил я велела завтра уехать.

– Она жаловалась, что ты ее ударила.

– Да, я дала ей пощечину и чуть не свернула шею. Мне хотелось ее задушить или избить, но я сдержалась. Это ужасная женщина, Северн. Я не позволю ей крутиться возле ребенка.

– Утром двое моих воинов отправляются в Седжвик, – неожиданно согласился он, – старуха может поехать с ними.

– Благодарю тебя.

Северн на минуту замялся, глядя на ящики с травами.

– Помню, моя мать собирала во время полнолуния маргаритки, резала их, смешивала с каким-то маслом и накладывала на лицо. Помню, отец смеялся и говорил, что от этого ее веснушки не исчезнут. Но, по-моему, они все-таки исчезали.

– А маргаритки белые?

– Не помню. Сколько еще продлятся твои месячные?

– Четыре дня, – ответила она, удивляясь, как быстро привыкла к его нескромным словам.

– Рана почти зажила, и ждать неразумно.

– Ричард де Лючи мертв. Кого нам бояться? Я – твоя жена, и кто знает, может, ты бываешь со мною по десять раз на дню.

– Твое невежество достойно сожаления, – засмеялся он. – Провозглашаешь себя целительницей, а ничего не знаешь о мужчинах. Мужчина не способен взять женщину столько раз на протяжении одного дня. Четыре раза, ну, пять, если женщина сгорает от желания и владеет определенным искусством. Женская красота тоже увеличивает возможности мужчин.

– Нет, пять раз – чересчур суровое наказание. – Вспомнив первую ночь, Гастингс содрогнулась. – Даже ты не станешь так часто принуждать меня.

– Если это чересчур много для тебя, зачем же болтать о десяти?

– Просто сказала, и все. Я вовсе не имела в виду что-то определенное. Для тебя и пять раз слишком много.

– Теперь оскорбляешь мое мужское достоинство? – Северн шагнул в ее сторону.

– И не думала, – отшатнулась она. – Я оскорбила себя. Я не обладаю ни искусством, ни желанием, ни красотой. Ты сам говорил, что я обыкновенная.

– Я тебя научу. – Ему не понравились ни столь быстрая уступчивость, ни ее логика. – Я сказал так лишь для того, чтобы ты не вообразила, что раз ты богатая наследница да еще красавица, то в чем-то превосходишь меня.

Гастингс и так знала, что ни в ее теле, ни в лице нет изъянов, но все же спросила:

– По-твоему, я красивая?

Глава 8

Северн оценивающе взглянул на нее.

– Нет, столь высоко я бы не стал тебя возносить, хотя для жены ты вполне миловидна. От жен и не требуется ничего сверх обычного, – добавил он, гадая, что у Гастингс на уме. – А если уж они родились наследницами вроде тебя, то большое счастье, что у них нет кроличьих зубов, двух-трех складок жира под подбородком или же волос над губой, как у той женщины Бил. В этом отношении ты меня даже радуешь, при взгляде на тебя не становится тошно. Но жены созданы не для того, чтобы приносить мужьям радость. Они предназначены рожать им детей.

– А лорд Грилэм любит свою жену и уверен, что она красавица. Без сомнения, она вызывает в нем сильное желание. Он сам говорил, что скучает по ней и детям.

– Ума не приложу, с чего Грилэму опускаться до подобной глупости. Видел я его жену. Мала ростом, с приятной улыбкой, любит шутить, и он с готовностью хохочет. Она его обожает. Может, именно поэтому Грилэм так размяк. Да, скорее всего.

– Это просто смешно. И ты смешон.

Северн уставился на ее рот. Наверное, размышляет над тем, как с этих губ посмели слететь такие слова. Гастингс и сама не очень-то понимала. Хотя она почти не знала мужа, но отнюдь не была тупой и сочла за благо отступить.

– Вот-вот, держись-ка лучше на расстоянии, Гастингс. Смею предположить, что даже Кассия не рискует так дерзить Грилэму. Впрочем, оставим это. Я уже говорил тебе, как представляю наши отношения, и не намерен повторяться. Даю тебе эти четыре дня, Гастингс, но после ты без разрешения уже не оставишь мою постель. Через девять месяцев ты родишь. Никаких возражений я не потерплю.

– Но ведь нельзя быть уверенной, что забеременеешь, Северн. Это известно даже мне. Есть женщины, которые вообще не способны рожать.

– Ты забеременеешь быстро. Я знаю.

– Да откуда тебе знать? Или ты уже наплодил кучу незаконных детей? Нет, ты слишком молод.

– Если мужчина способен излить в женское лоно свое семя, значит, он способен ее оплодотворить. Возраст не имеет значения. Нет, кучи незаконных детей у меня, пожалуй, не наберется. В Англии их нет, только в Святой Земле. Женщины, с которыми я был, умели предохраняться, однако трое все же ухитрились понести от меня.

– И что ты сделал с теми детьми? – удивленно спросила Гастингс, не понимая, отчего в его голосе звучит гордость.

– Они не пережили младенческого возраста. Двое были мальчиками. Но зато я получил доказательство, в котором нуждался. Мое семя способно оплодотворять, поэтому хватит спорить. Даю тебе четыре дня. – Северн задумался, глядя на ящики с травами. – И не вздумай что-то сделать против моего ребенка.

– У меня и в мыслях такого не было, – совершенно растерялась Гастингс. – Или ты считаешь меня бесчестной, Северн?

– Ты женщина, значит, о чести не может быть и речи. Это выше твоего понимания.

– Зачем же я бросилась спасать тебе жизнь? Зачем оттолкнула от кинжала убийцы?

Он знал, что поступил не совсем честно, но его это не волновало. Ему пришлось жениться на ней ради денег. Он поклялся защищать ее от мерзавцев вроде Ричарда де Лючи. Разве ей недостаточно?

– Однако толкнула не очень сильно, не так ли?

– В следующий раз я вообще не стану этого делать.

– Следующего раза не будет. Согласен, ты вела себя храбро, а потом вылечила меня, хотя отнюдь не радовала в других отношениях. Да много я от тебя и не требую. Заботься об Оксборо. Заботься о ребенке, заботься о моем плече. Повинуйся мне. Больше ничего делать не надо.

– А что будешь делать ты, Северн?

– Я? Во время твоих женских недомоганий я воспользуюсь услугами Алисы. Она приветлива, любит мужчин. Кроме нее, я приметил в замке еще нескольких сговорчивых женщин, они позаботятся обо мне.

Не задумываясь, Гастингс швырнула в него табурет и с радостью увидела, что муж сморщился от боли. Она хотела выскочить из комнаты, но оказалась недостаточно быстрой. Он поймал ее за руку, рванул к себе и приподнял.

– Ты посмела? – От него пахло сладким элем, которым Макдир потчевал мужчин.

Хоть бы сейчас из-под туники показался Трист. Потому-то она и швырнула табурет Северну в живот. Она боялась попасть в куницу.

Но Триста не было.

– Ты подняла на меня руку. Подняла руку на своего мужа, своего хозяина. Я убивал мужчин и за более невинные выходки.

Несмотря на страх, Гастингс уловила в его голосе растерянность. Он не мог поверить, что она это сделала.

– Ты не станешь меня позорить, – не сдавалась Гастингс. – Верно, я – твоя жена, именно поэтому ты не должен тащить к себе в постель моих служанок. В этом состоит твоя ответственность передо мною. Спроси у отца Каррега.

– Ты думаешь, я не могу поступить так, как мне хочется? Ты вообразила, что я почему-то буду тебе верен? Да ты не в своем уме. Если не одумаешься, то когда родишь мне сына и наследника, я объявлю тебя сумасшедшей. Я вовсе не хотел с тобой ругаться, но не прошло и двух минут, как ты запустила в меня табуретом, а я трясу тебя, как спелую грушу. Наверное, мне не нужно отсылать старуху Бил, а приставить ее к тебе. Что скажешь?

Гастингс терла руки, на которых еще виднелись синяки, оставшиеся после той памятной ночи. Она глядела ему в лицо, искаженное гневом и в то же время смущенное.

– Что я скажу? – медленно повторила она. – Если ты выполнишь свою угрозу, то я смешаю кое-какие травы и добавлю тебе в эль. Уверена, ты настолько раздуешься от водянки, что вынужден будешь спать только во дворе замка.

Северн выскочил из комнаты, грохнув дверью.

Она, конечно, не знала, какие травы нужно смешивать для этой цели. Ей известна только смесь, помогающая избавиться от водянки: корень огуречной травы, розовые лепестки и фиалки.

Снова занявшись травами, она старалась представить, как будет выглядеть Северн в тунике иного цвета. Например, голубого. Надо собрать побольше красных левкоев, они придают ткани великолепный голубой цвет.

Вечером Макдир приготовил тушеную свинину и вареное яйцо для куницы. Гастингс заметила, с каким вожделением посматривали на эти кушанья слуги, хотя их не меньше привлекали и куски говядины, плавающие в жирной подливке, куда добавлены свежий горох и сладкий лук с огородов Оксборо. Для лорда подали еще жареных куропаток.

Элиза не сводила глаз с еды, но не решалась ни к чему прикоснуться. Гастингс положила всего понемножку в начищенную оловянную тарелку и с улыбкой сказала девочке:

– Элиза, сегодня я молилась с отцом Каррегом. Он сказал, что Господу угодно видеть своих чад сытыми и ты должна хорошо есть, чтобы исполнить Его волю.

Ложь могла возыметь действие. Гастингс уже посоветовалась с отцом Каррегом, который искренне любил Господа, но не менее искренне любил и жареных куропаток. Она взглянула на

дальний конец стола, где сидела Бил. Внезапно старуха подняла голову и ответила на взгляд Гастингс такой дикой злобой, что та даже отшатнулась.

– В чем дело? – поинтересовался Северн.

Но она лишь качнула головой. Эта женщина завтра уедет, и со временем ее яд выветрится.

– Макдир жарит дичь с какой-то особенной приправой, но рецепт скрывает. Я пыталась его угадать, и если бы сумела, Макдир бы честно признался. Он говорит, что мне надо еще учиться да учиться. В детстве он как-то позволил мне месить тесто для хлеба, и я утонула в нем по самые плечи.

Разрезая куропатку и отправляя ее в рот, Северн думал о том, что, видимо, так мужья и узнают своих жен. Хотя это не имеет значения. Он попытался представить себе Гастингс ребенком, но тут же отогнал эти мысли, недостойные мужчины.

– Куропатка очень вкусная. В нее добавили базилик, верно?

– Да, а еще укроп и, конечно, не пожалели соли. Мы в Оксборо никогда не скупились. Отец любил хорошо посоленные кушанья и покупал соль, даже когда она становилась дорогой. Однажды я осталась из-за нее без лент для волос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.